

Вера Петрук

Северина
II
АДСКИЙ КОНДОР

18+

Вера Петрук Северина и Адский Кондор

<https://litres.ru/71904916>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моего жениха убили, а меня подставили, и теперь весь клан несостоявшихся родственников из богатой династии Корнеевых хочет моей смерти. В прошлом – элитный боевой агент, в настоящем – та, что жаждет мести. У таких, как я, много врагов, и для них не имеет значения, что однажды ты решила начать жизнь заново.

Я начну собственное расследование, но все планы сбиваются, когда в игру вступает сила, у которой нет рационального объяснения. Адский Кондор, Сердцеед – у него много имен. Он вплел меня в свою паутину, он привык получать все, но только я не согласна играть по его правилам.

Меня зовут Северина Ромова, и это история о том, как Адский Кондор украл мое сердце.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	42
Глава 6	55
Глава 7	72
Глава 8	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Вера Петрук

Северина и Адский Кондор

Глава 1

Когда Грач сообщил, что меня выпускают по амнистии как ветерана боевых действий, я уже давно была взрослой девочкой и в сказки не верила. Четыре года в колонии строго режима могут даже фею заставить поверить в то, что сказок не бывает. Феей я никогда не была, а вот Ведьмой быть приходилось. Тот, кто в отделе придумывал позывные, страдал плохим чувством юмора, но коллеги, отдел, начальство и работа – все это осталось в прошлом. Между ним и настоящим пролегла бездна, на дне которой маячило убийство, которое я не совершала, и месть, которой я жаждала, как вампир, пролежавший в могиле четыре года без капли крови.

Вообще-то, любой, кто знал меня в прежней жизни, сказал бы, что Ведьма и убийство – синонимы, но моего Егора убила не я. Для мира я всегда была невидимкой с новым паспортом каждые полгода. Тех немногих, кто знал меня раньше, в свое будущее я звать не собиралась. Когда настанет великий день мести, ответит каждый.

– Ну, как ты, Ведьма? – спросил Грач, услужливо открыв

передо мной переднюю дверь минивэна. Мог бы и подождать с вопросами. Тюрьма еще возвышалась за нашими спинами злым роком, разбившим мою судьбу на осколки.

Мне никогда не нравился этот дурацкий позывной – «Ведьма». У других агентов встречались имена посолиднее. Кобры там, анаконды, а уж пауков – и не перечислить. Мне всегда хотелось иметь «паучий» позывной. Например, я могла быть Аргиопой – это паук-оса, или, если начальство хотело избежать банальности, то Коричневая Вдова – тоже ничего. Черных вдов и каракуртов в нашем мире было много, но Коричневых Вдов, кажется, еще не встречалось. Тоже неприятное насекомое со смертельным исходом случайной встречи. Но после неудачного знакомства с главным, и его случайно брошенного «Вот же ведьма!», прозвище за мной закрепилось, а потом стало рабочим. Я тогда глупая была, только что из тренировочного центра, где меня научили всему, но только не острить с начальством. «Перед этим я бессильна», – вынесла вердикт моя наставница по кличке Жало, которая до сих пор снилась мне в кошмарах. В общем, я потом даже заявление писала с просьбой сменить позывной, но начальство оказалось злопамятным, так я Ведьмой и осталось. Похоже, ей и умру.

– У меня имя есть, – мрачно буркнула я, глядя в боковое зеркало, как с бешеной скоростью исчезают высокие заборы, дозорные башни и серая коробка тюремного здания. Грач никогда не умел водить машину нормально – только,

как идиот, на огромной скорости. Все, кому не посчастливилось с ним ездить, обычно сразу вспоминали, успели ли они написать завещание.

– Расслабься, детка, – хмыкнул этот придурок, с которым мы никогда не ладили. – Вдохни и выдохни. Страшное позади. Ты свободна и еще не старая, впереди будущее.

Я схватилась за руль, навалившись на Грача плечом, а потом перехватила управление и второй рукой. На такой скорости любое неловкое движение руля – и мы в кювете, но я лишь крепко вцепилась в оплетку, не дав Грачу совершить непоправимое. Колеса все равно черпнули кромку, гравийное крошево с хрустом забарабанило по днищу, а Грач, хоть и работал в прошлом каскадером, побелел так, будто увидел мертвого таракана в откушенном пирожке. В следующую секунду я вернулась на свое место и поправила ремень безопасности – мало ли. Самой стало страшно, но я хотя бы проснулась – часы показывали половину пятого утра.

– Вот же... ты, что творишь, бешеная? – в сердцах воскликнул он, но хотя бы сбавил скорость, и дальше мы поехали нормально. Значит, тоже испугался.

– Не детка, не Ведьма и не бешеная, – медленно произнесла я. – Северина.

– Да понял я, – фыркнул он. – Рин, в самом деле, ты совсем в своей тюрьме озверела.

– Не зарекайся, – предостерегла я его. – На такой работе, как у тебя, «своя тюрьма» может появиться у каждого. И

глазом моргнуть не успеешь.

С Грачом разговаривать не хотелось, от него воняло предательством и обманом, но назад в бетонный мешок я не хотела. В общих чертах условия моего освобождения мне назвал адвокат, Грач должен был сообщить лишь детали. Однажды меня уже выкинули на мусорку за ненадобностью, однако мир вдруг вспомнил, что Ведьма, оказывается, еще могла пригодиться. Прямо о моем возвращении не говорили, но намеки я понимала. Соглашусь на все, поступлю по-своему.

– Ты не обижайся, против тебя такие улики выкатили, ничего поделатъ было нельзя, – почему-то стал оправдываться Грач. Я привыкла молчать, в одиночных камерах насиделась, ему же молчание было невыносимо. – Ты ведь понимаешь?

Я все понимала. Имелась масса вариантов, но начальство не захотело возиться с моим делом. Я уже тогда собиралась уходить со службы, и, будучи не на самом хорошем счету, не была достойна того, чтобы помнили о моих былых заслугах.

– Все нормально, – не понятно кого успокаивал Грач. За окном брезжил унылый зимний рассвет, снег еще не выпал, и было заметно, что серая полоса бурьяна, бесконечно тянувшаяся вдоль дороги, его удручает. Я же наоборот ловила каждую деталь, которую выхватывали из темноты фары. Все восхищало – побуревшие метелки полыни, черные силуэты деревьев, индиговое небо и бледнеющие звезды. Даже мороз, проникающий в открытое окно, и двойная сплошная на асфальте – и те были в радость. Глаза не могли насытить-

ся миром, и я понимала: неважно, что от меня потребуют за свободу. Соглашаться придется. Не могло же быть так, что я, действительно, попала под амнистию, и Грач по доброте душевной встречал меня из тюрьмы. Или могло?

– Ты бы окошко прикрыла, не лето, – буркнул Грач, но, видя мое настроение, спорить не стал и лишь застегнул куртку.

– Годик тихо полежишь на дне, – наконец, перешел он к делу. – А потом, может быть, и вернуться захочешь. Я ведь тебя знаю. Таким, как ты, без работы нельзя. А с тюремным «стажем» кто тебя еще возьмет?

Значит, решили по-хорошему. Все эти фразы «вдруг захочешь» и «может быть» указывали на то, что принуждать меня пока не собирались. А вот в целый год отдыха верилось мало.

– У нас руководство сменилось, – выдал тайну Грач. – Такой бардак сейчас творится. Ты как раз отдохнешь, а мы порядок наведем. Я, знаешь, неожиданно, в начальники попал, так что ты со мной дружи, я теперь не последний человек. А что? Не век же мне в поле работать. Ты вот у нас еще молодая. Сколько тебе?

Грач прекрасно знал, сколько мне лет, но я была не в том положении, чтобы с ним острить. Язык пришлось прикусить, а ведь столько всего хотелось ему рассказать. Например, о его брюхе, которое он нажрал за четыре года, что я провела на нарах, и о его бегающих глазах, которые, как и раньше, выдавали его страх передо мной. Интересно, почему он не

отправил шестерку, а предпочел встречать и терпеть меня сам?

– Кадров не хватает? – все-таки не выдержала я.

– Что?

– Я говорю, тюрьма не красит, так?

Грач странно на меня посмотрел и включил радио. Там играло что-то непонятное, из современного. Девушка старалась петь, но получалось у нее плохо, да еще и акцент портил дело. Говорила, вроде, по-русски, но буквы то ли картавила из-за дефекта речи, то ли специально произносила на иностранный манер. Грачу нравилось, он даже закивал в такт песни, мне же от такой «музыки» стало тоскливо.

– Скажи что-нибудь про мои волосы.

– Седину надо закрасить, – бросив на меня быстрый взгляд, выдал Грач.

– Они длинные!

Он фыркнул, я тоже. Грач даже представить не мог, каких усилий мне стоило сохранить длину волос там, где каждая сучка стремилась их отрезать. Но мои длинные волосы нравились Егору, и я поклялась, что короче они не станут.

Я знала, что никогда не выглядела на свой возраст. В тридцать я легко выдавала себя за старшеклассниц, но тюрьма оставила на лице свое клеймо. И дело было даже в не сломанном носе и не в морщинках, заплывавших вокруг глаз. Придется приложить титанические усилия, чтобы изменить сам взгляд.

– Ничего, пластику тебе сделаем, – Грач кивнул на мой нос, по-своему истолковав молчание. – Можем, вообще, новое лицо сшить. Ты даже не представляешь, какие у нас сейчас деньги и возможности. Просто огромные! В отделе такие люди работают!

Но тебе зачем-то понадобилась списанная со счетов Ведьма, подумала я и поймала свое отражение в боковом зеркале. На меня взглянуло бледное лицо с большими черными глазами. В тюрьме я сильно потеряла в весе, на лице только глаза и остались. Медведка, старшая по камере, говорила, что сломанный нос мне идет. Она же мне его и сломала, когда я отвоевывала свое место в тюремном мире. Было обидно уберечь нос за все годы обучения в центре, потом работы, где приходилось сталкиваться с любителями разбивать чужие носы, но проиграть какой-то бичихе, у которой оказался хороший удар левой. Медведка своих недостатков не скрывала, а ее честность сделала нас лучшими подругами. Ирония судьбы. Подруг у Ведьмы раньше не водилось.

– Давай другую музыку, – не выдержала я.

– Что хочешь? – равнодушно спросил Грач, не собираясь переключать радио.

– Ламбаду.

– Смеешься? Нельзя быть настолько старой.

Я усмехнулась – мне теперь можно было многое. За спиной оставался бетонный мешок и мои друзья – Дашка Несчастная, Королек, рыжая Сабина и, конечно, Медведка.

Из моего отряда под амнистию больше никто не попал. Они обещали писать. Ну, хоть кто-то.

Кончался ноябрь, но зима в этом году началась рано и, кажется, собиралась лютовать. Морозы стояли крепкие.

– Открой бардачок.

В свете фар блеснул указатель. Тридцать километров до аэропорта. Кажется, скоро мы с Грачом попрощаемся. Я надеялась – навсегда.

– Лесогорск, – прочитала я название города на билете. – Это где? На Севере?

– Дальний Восток, – буркнул Грач. – Ты только без фокусов. В сеть не выходи, телефоном не пользуйся, мы тебя, если что, сами найдем. В общем, тебе и без меня известно, что значит тихо лежать и не отсвечивать. Никто не знает, что ты вышла. И никто не должен узнать. Там, в бардачке, еще конверт лежит, в нем твои новые документы, в том числе, на квартиру. Да, мы помним твои заслуги, поэтому сняли тебе однушку на год. Все оплачено. Банковская карта будет ежемесячно пополняться, назовем это пенсией. В Москве, понятно, на эту сумму ты не прожила бы, но в Лесогорске будешь королевой.

Вот же, гады, молча выругалась я. Тотальная слежка, значит. «Жучки» будут даже в унитазе.

– Меня бы кто-нибудь на год отпустил, – покивал своим мыслям Грач. – Да еще каждый месяц деньги кидал на карту... Эх, Ведьма, я тебе завидую. Можно с утра до вечера

сериалы смотреть, в игры играть... Главное – не спиться.

Он захохотал, но я веселья не поддержала. До аэропорта мы доехали в молчании.

– Северина, – напряженно окликнул он меня, когда я вышла на мороз и сунула руки в карманы куртки, которую последний раз одевала четыре года назад.

– Я не буду мстить, – заверила я его.

– Слова твои по ветру летят, – пропел Грач фразу из известной песни. – Только сунься к Корнеевым, крошка, и ты дашь мне повод вспомнить, почему я тебя ненавижу.

Я кивнула и подхватила свою легкую сумку. Вещей у меня было немного – как всегда. Спасибо за предупреждение, гад, но у тебя пока нет причин беспокоиться. Раньше злобы во мне было столько, что однажды она полыхнула и сгорела, едва не подпалив меня саму. Теперь в меня ничто не вселялось – ни скорбь, ни ненависть. В чем-то Грач был прав. Нужно время. А потом я созрею и воспряну, как феникс. Раз уж наш чертов волшебный мир решил вернуть Ведьму назад.

Глава 2

Я бросила ключи на столик у двери, вынула наушники, стянула теплые кеды и, все еще тяжело дыша после пробежки, побрела в ванную. Как страшный сон, вспоминались тюремные прогулки в каменной клетке двора. Маленькие площадки камер не располагали к тренировкам с интенсивным движением, но выручала йога и статичные силовые упражнения. В спортзал водили раз в месяц, да и то при условии хорошего поведения, чем я не отличалась. Движение – как же мне его не хватало.

Лесогорск встретил двадцатиградусными морозами в ноябре, но я все равно заставила себя бегать два раза в день – утром по району, вечером ездила на стадион в другой конец города и возвращалась уже пешком. Грач не солгал. Город был той еще дырой, но после камеры я чувствовала себя в раю. Возможно, через полгода душа запросит большей свободы, ведь я понимала, что одно заточение сменили на другое – с повышенным комфортом, но прошла неделя с моего заселения в однушку, выбранную агентством, и я все еще пребывала в эйфории.

Квартира находилась в спальном районе, в пятиэтажной хрущевке, в меру разбитая, но хотя бы без насекомых или плесени в ванной. В моей жизни было столько «убежищ»,

что все они казались на одной лицо с разницей в стилях, местоположении и стоимости убранства. Пожила и в дешевых, и в богатых интерьерах, но ни разу в настоящем доме. В настоящем доме должны быть живые цветы, кот или рыбки в аквариуме – то, что являлось недостижимой роскошью лично для Ведьмы, которая всегда была на работе. Даже тюрьма не смогла отучить меня от рабочих мыслей. Вряд ли что-то изменится в моем ближайшем будущем. Ни кота, ни кактус в новой квартире я заводить не рискнула. Грач врал, как дышал. Никто не оставит меня здесь на целый год в покое. Свободу придется отрабатывать, и эта мысль засела во мне болезненной занозой. Ведь возвращаться в прошлое я не хотела.

Итак, меня встретили большая кровать с чистым бельем (которое я все равно несколько раз перестирала), мягкое кресло у окна, пустой книжный шкаф, маленькая уютная кухня с двумя табуретками и круглым столом, а также холодильник, в котором кто-то заботливый оставил масло, сыр и хлеб – все просроченное, что говорило о том, что моего прибытия ждали давно. Батареи грели исправно, с маленького балкона открывался вид на автостоянку и темную полосу леса, начинающуюся сразу за площадкой с машинами. За деревьями поднимались горы. Все правильно, я же в Лесогорске. В городе уже выпадал снег. С трассы его убрали, а на тротуарах, по всем правилам, он превратился в наледь, которую дворники будут долбить, наверное, в феврале.

Следящие «жучки» я обнаружила сразу, один в прихожей, другой на кухне – как-то слишком скромно, но, возможно, моя персона не стоила больших усилий. Трогать их я не стала и, вообще, решила не нарываться и не привлекать внимание. Меня также снабдили телевизором и ноутбуком с оплаченным интернетом – судя по всему, через него со мной и свяжутся, когда придет время. Зная, что каждое движение в сети будет отслежено, я для вида сделала закладки в браузере на новостных сайтах, и на том отношения с ноутбуком и интернетом завязала.

Зато познакомилась с местными магазинами, которых в районе было целых два – один продуктовый, он назывался «Еда и водка», второй – алкомаркет от известной сети. Кто бы сомневался, эти даже в тундре торговые точки имеют. Меня, разумеется, сразу заприметили местные бабки, и, чтобы избежать нежелательных сплетен, я придумала слезливую историю, которую и выдала одной старушке – мы с ней оказались соседками. На следующее утро со мной здоровалась вся скамейка у подъезда. В их глазах я стала пусть и глупой, но преданной женой, которая, не выдержав разлуки с мужем, переехала поближе туда, где он работал вахтовым методом на лесопилке. С моих слов, встреча должна была состояться со дня на день. Недалеко от Лесогорска, действительно, работала частная лесопильная компания, которая собирала рабочих со всей страны.

Из реакции старушек я поняла, что тюрьма не настоль-

ко отпечаталась на моей внешности. Выдавать себя за молодую все еще получалось. К тому же сразу после заселения я устроила себе экстренный курс домашнего салона красоты: привела в порядок прическу, закрасила седину, сделала маникюр и приобрела необходимую косметику, потому что хороший грим – это половина маскировки. Все девушки в нашем тренировочном центре дополнительно проходили «курсы красоты», как у нас их называли в шутку. Жало была уверена, что красивым лицом, сладким голосом и точеной фигуркой можно добыть не меньше информации, чем с помощью пыточных орудий, кулака, ножа, пистолета или химии. Мне эта часть курса никогда не нравилась, но сдала я ее на отлично – из принципа.

«Такая красивая, молоденькая, сдался ей этот мужик, который годами на вахте пропадает. Можно подумать в столице работы нет. В такую даль потащился, и жену бросил, козел».

«Вот именно! Из самой столицы за ним прилетела!»

«Нового мужика ей надо, глядишь, и детки пойдут».

Пару раз купив бабулькам на лавке карамелек и окончательно наладив внешние связи, я занялась внутренней обороной. Если я собиралась провести в своей однокомнатной норе хоть немного времени, ее следовало обезопасить.

Купив все необходимое в хозяйственном магазине, где пришлось выстоять очередь с хмурыми мужиками, я смастерила небольшую сигнализацию, выведя сигнал на браслет. Несколько веревочных ловушек под окнами на кухне и

в спальней, а также небольшой шокер у входной двери сделали мои ночи спокойнее. Я также провела косметический ремонт, купив шпатлевку и тщательно замазав все трещины, которых в стенах старого дома имелось достаточно. И хотя моими соседями со всех четырех сторон были пенсионеры, я предпочитала перестраховаться. Не проснуться однажды из-за ядовитого газа, пущенного через трещину в стене из соседней квартиры, – опасность в моем мире вполне реальная.

Напоследок я закупила с десяток ножей, хотя так и тянуло поискать кого-нибудь из местных авторитетов и разжиться огнестрелом. Но привлекать внимание криминала или моих добрых освободителей не хотелось, поэтому я ограничилась холодным оружием. Мне особенно понравился тяжелый японский нож для суши, похожий на тесак. Руку им сразу не отрежешь, но пару пальцев отрубить можно легко. Я спустила на него приличную сумму со своей карты. Оставшийся месяц придется питаться скромно, но нож того стоил. Повздыхав по своему любимому мачете, оставшемуся в прошлом, я прикупила несколько легких ножей для метания, заточила их, насколько возможно, затем увидела на рынке многолезвийный складной нож, забрала его тоже и по части холодного оружия успокоилась.

Подумав, я намешала из бытовой химии и кухонных специй несколько видов боевых смесей, которые разлила в бутылочки из-под зеленки и йода и спрятала в ванном шкафчике над раковиной. В магазине для дачников купила шты-

ковую лопату и два топора – один колун, другой полегче, и спрятала все это добро за входной дверью. Напоследок я собрала аварийный комплект, который вышел дешевле японского ножа, но не уступал ему по значимости. В аварийный комплект, который я упаковала в рюкзак, чтобы он всегда был под рукой, вошли спички, свечи, кремь, лупа, иглы и нитки, рыболовные крючки с леской, компас, фонарик, набор батареек, метровая катушка медной проволоки для ловушек, гибкая складная пила, пара моих заточенных ножей. Продовольствием решила себя не утяжелять, но от банки сгущенки отказаться не смогла. В нескольких аптеках города я собрала походную аптечку, которую уложила на дно рюкзака, и была особенно довольна тем, что удалось разжиться скальпелем. Пусть и без ручки, но при необходимости ее всегда можно сделать из дерева. В пакет я включила анальгетики, кишечные успокоительные, антибиотики, антигистаминные, таблетки для стерилизации воды, лейкопластыри и бинты, а также презервативы – на всякий случай. Как отличные емкости для воды они были незаменимы.

Взглянув на аварийный рюкзак, я вспомнила былые дни в тренировочном центре и то, как подобные рюкзаки не раз спасали мне жизнь. Так уж повелось, что начальство не только дало мне прозвище, которое бесило, но и распределило в группу, которую в агентстве в шутку называли «олдскульной» – по той причине, что в век цифровых технологий нас тренировали так, будто за окном – старый добрый двадца-

тый, и вероятно, его начало. Были группы, участникам которых едва ли не чипы в голову вживляли, а были такие, как моя.

Сначала мы сдавали экзамен по выживанию в дикой природе, а кто выживал, тот переходил на другой уровень, где нас обучали уже всему остальному. Тех, кто не выжил, помнили их чуть более везучие одnogруппники, например, я. Я помнила всех троих девушек, не выбравшихся из африканской саванны, и пятерых мальчишек, которые сгинули во льдах Арктики.

Я отработала пятнадцать лет, что должна была агентству по контракту, а в последний год встретила Егора и поняла, что на службе не останусь. Долгое время я думала, что со мной разобрались свои же, избавившись в нашем излюбленном стиле, но на второй год тюрьмы заключила, что не являлась такой уж значимой фигурой, и меня просто «отпустили». Начальство умыло руки, притворившись, что ничего сделать не может. Зачем возиться с той, от которой больше нет пользы? В тени мы жили при жизни, должны были остаться там и после смерти. Какое-то время тюрьма казалась мне именно гибелью, чертой, из-за которой не возвращаются.

Налаживание быта на свободе заняло меня дней на пять, после чего я снова стала его слышать. Голос Егора не оставял никогда, выручая, когда я сходила с ума в одиночных камерах.

Уделив большую часть времени тренировкам, я постаралась занять себя кулинарией и рукоделием. За последние четыре года я научилась неплохо вязать и собиралась продолжить сие медитативное и крайне полезное занятие. Грач намекнул, что работать я не должна, но в местной газете мне уже приглянулось одно объявление. Требовался вахтер в школу на сутки через трое. Зарплата едва бы покрыла стоимость моего японского ножа для суши, но устраивалась я туда не ради денег. Некоторые правила стоило разок нарушить – для проверки системы надзора. Нужно было узнать, как пристально за мной наблюдали.

В первую неделю своей свободы я не шуршала – вела себя, как мышь, которую подстерегал за стенкой кот. Бегала, отжималась, тягала гантели, которые чудесным образом нашла на мусорке. Готовила себе вкусности, однако к своему полусреднему весу борцовской категории вернуться не смогла. Вязала, смотрела новости, читала, но большую часть дня гуляла, исходив Лесогорск вдоль и поперек. Составила два плана эвакуации из города и задумалась о покупке велосипеда.

Иногда сидела с бабками, рассказывала им о своем несуществующем мужике и собирала сплетни. К концу недели я знала, чем живет семья мэра, где тусуются жены местных директоров, и сколько любовниц у начальника ЖЭУ. Жаловаться старушки тоже любили. Особенно их доставали водители, паркующие машины близко к их скамейкам, а также

наркокурьеры, делающие летом закладки в их клумбах с петуниями. Где прятали аналогичный товар зимой, бабки не знали, но подозревали мусорные контейнеры, которые в зимние месяцы вывозились редко, притягивая внимание крыс и маргиналов. В общем, Лесогорск жил теми же проблемами, что и любой другой город, разве что масштабы происходящего в нем были поменьше. К примеру, новостроек здесь возводилось всего четыре, и борьба девелоперов с жителями, бунтующими против появления высоток напротив их окон, шла тяжело. Казалось бы, пригород рядом – иди и застраивай пустырь, но девелоперы хотели развивать именно исторический центр, втискивая стальные и стеклянные коробки между двухэтажными и пятиэтажными зданиями советской эпохи.

Впрочем, изюминка у Лесогорска тоже имелась.

Глава 3

– Еще у нас дьявол есть, – с восторгом рассказывала баба Глаша. – Он иногда в полную луну приходит. Этот дьявол как-то нариков из нашего подъезда погнал, а то ведь жизни не было. Ксения Валентиновна померла, а внук ее притон в квартире устроил. Они даже дом как-то едва не сожгли, подпалили что-то на кухне. Участковый наш совсем с ними замучился, не знаю, что бы мы сейчас делали, если бы не дьявол. Он на новогоднюю ночь к ним в окно вломился и всех переломал. Страшно! Кузьминишна его видела. Как черт, говорит, безумный. Всю шайку из окон побросал прямо в снег, а потом ногами их топтал, кровищи было – море. Хорошо, милиция вовремя приехала, иначе поубивал бы всех. Хоть и наркоши, да молодые парни, у них вся жизнь впереди.

– Не милиция, а полиция, – нравоучительно поправила ее баб Варвара. – И жизни у нариков нет. Закончилась она с первой их таблеткой дизайнерской.

Старушки с Лесогорске были просвещённые, в теме.

– Да уж, лучше бы дьявол их сразу поубивал, – поддакнула Кузьминишна. – Они месяц свои переломы в больничках полечили, а потом за прежнее взялись, только на другой квартире уже. Эту, к счастью, продали. Хорошая пара, тихая там живет. Правда, ремонт долго делали, но оно и понятно,

все стены, небось, провонены были.

– А что, много бандитов-то в Лесогорске? – спросила я.

– Ой, много, – обрадовалась интересной теме Кузьминишна. – Фабрика пианино у нас была, а как Союз рухнул, так она и закрылась. Но здание стоит, большо-о-е! Вот там все наши бандюки и живут. Там они все сидят.

– А полиция?

– Да мало ее у нас. Кто тут работать будет? Таких дуручек, как ты, прости Господи, немного. Нормальные мужики в столицу едут и семьи потом забирают. А, может, тебе бросить своего дурня? Зачем тебе юродивый, который ради лесопилки такую женщину оставляет?

– Почему дьявол? – вернула я разговор в прежнее русло.

– С ваших слов, так он герой.

– Потому что сумасшедший, – вставила баб Варвара. – И страшный – жуть просто. Это Кузьминишна его дьяволом назвала, а газетчики подхватили. Он ведь не только у нас в районе появлялся. На многих улицах его видели и всегда только ночью. Полиция, между прочим, его в розыск объявила. С нашей помощью фоторобот рисовали. Страхолюдина получилась – та еще. Он ведь не только нариков гоняет, но и всех, кто ночью запоздал, тоже. Галку с Речной улицы напугал до смерти. Она одинокая, подрабатывает иногда по ночам, ну, вот он на нее у подъезда и выскочил – черный, лохматый, то ли шуба не нем, то ли шерсть, не понять.

– И что он с ней сделал? С Галкой этой?

– Как что? Напугал! Как зарычит, закашляет из-за угла. У нее, к счастью, ноги еще молодые, легкие. Как только он шаг в ее сторону сделал, она сразу в подъезд нырнула. Хорошо, что успела до дома дойти к тому времени. А в сентябре дьявол в парке за пьянью гонялся, так стекла во всех киосках побил.

– Может, это пьяные побили. Почему сразу он?

– Потому что фонари кто-то тоже согнул и перила с моста вывернул. Нашим хилыкам такое не под силу.

Я задумчиво смерила взглядом массивный фонарь, оставшийся еще с советских времен. Он тускло и грустно светил в окна нашего дома.

– Такой фонарь? – кивнула я.

– Именно, – со знанием дела поддакнула Кузьминишна, я же подумала о том, что байка и впрямь интересная. Надо будет об этом дьяволе Медведке написать, она любила такие истории. Наверняка, какой-нибудь местный геройствовал, а для храбрости перед каждой вылазкой к бутылке прикладывался, вот и творил всякое. Про фонарь я, конечно, не поверила, но он в этой байке присутствовал не ради правды, а ради красивого словца. В любом случае было бы любопытно на местного храбреца взглянуть. Если мне и впрямь целый год в Лесогорске прятаться, то, наверное, встреча состоится. Вмешиваться не буду, но со стороны поглазею – любопытно же!

На вторую неделю свободной жизни мне снова стал сниться-

ся Егор. Я тосковала и все чаще думала о том, что мне нужно увидеть хотя бы его могилу. Он появился в моей жизни, как прекрасный принц, которого я не ждала. Не на белом коне, но на вишневом Бугатти, который каким-то волшебным образом оказался на одной автостоянке с моим выдавшим виды японским пикапом. Я как раз закончила одно тяжелое задание и заехала в супермаркет за роллами. Я была такой уставшей, что мысль о готовке вызывала паралич.

И надо же было так случиться, что я приглянулась местной шпане, которая решила меня ограбить. Они напали у машины, когда я разгружала тележку. Размахивали своими перочинными ножиками у меня перед лицом и требовали еды и денег. На вид – сущие дети. Егор налетел откуда-то, как тигр, раскидал молодую шайку, как ветер кучу листьев, мне же пришлось его и оттаскивать. Человеколюбием я не отличалась, но объяснения с полицией, если Егор случайно бы кого-то пришиб, в мои планы не входили. Так мы и познакомились.

Я догадывалась, что он богат, но не могла даже представить настолько. Я сразу подумала, что его деньги станут препятствием, но Егор был моим мужчиной с первого взгляда. Он никогда не дарил богатых подарков и не закармливал обещаниями райской жизни. Друг другу были нужны именно мы сами, а не наши деньги и связи. На первом свидании он подарил мне брелок с игрушечным белым кроликом, который мне вернули через четыре года вместе с личными ве-

щами – единственное, что осталось от него на память.

Егор сделал мне предложение через месяц нашего знакомства и сказал, что жалеет только об одном – что тянул так долго. Я заставила ждать его с ответом целую неделю, выбирая, чего хочу больше: Егора или работу. Вместе они были несовместимы, поэтому я собиралась писать заявление об увольнении. Егор не знал, чем я занималась, а обманывать его своими «командировками» не хотелось. Насколько был мил и славен Егор, настолько отвратительной и уродливой была его семья во главе с родовой «маткой» – старушенцией Корнеевой, которая заправляла огромным туристическим бизнесом, ведя дела как в стране, так и зарубежом. Ее звали Леокардия – такое имя трудно не запомнить. Громадные пассажирские лайнеры династии Корнеевых плавали по всему миру, а несколько их круизных ледоколов возили экскурсии даже в Арктику.

Родители Егора разбились на частном самолете, но у него осталась многочисленная родня, а также два брата, которых он, по его словам, очень любил, но которых я за короткий месяц нашего знакомства так и не увидела. Один занимался блогерством где-то в джунглях Латинской Америки, пропадая там годами, второй был скрытным и тихим интеллектуалом, помешанным на биологии. Именно второй, ботан, был любимчиком бабки Леокардии, что, как мне показалось, являлось предметом ревности Егора, хотя тот и старался это скрывать.

Егор лишь однажды привез меня в родовое гнездо Корневых, которое находилось в элитном районе в историческом центре столицы. Там он объявил о нашей помолвке, я же испытала всю мощь укусов разворошенного осинового гнезда. К счастью, закалка от психологических атак у меня имелась, и долго в том замке мы не задержались.

Егора убили через неделю, в его столичной квартире. И так совпало, что как раз в тот вечер к нему приехала бабка Леокардия, видимо, отговаривать от женитьбы. Она нагрязнула внезапно, вечером, когда я мылась в ванной. Телохрани-телей старушенция оставила в коридоре, готовясь к личной беседе с внуком.

Из уважения к Егору я надела наушники, не желая слушать их крики. А когда песня кончилась, в уши врезалась непривычная тишина. Егора и старушенцию убили моим ножом, что стало главной уликой следствия. К тому времени, когда я выбежала из ванной, мой жених был уже мертв, Леокардия умерла на пути в больницу. Я до сих пор была уверена, что убийца проник через окно, хотя квартира Егора и находилась на пятьдесят девятом этаже. В моей работе такие случаи были вполне реальными.

Меня арестовали сразу после того, как унесли тело Егора. Семья Корневых хотела, чтобы мне дали пожизненное, но адвокат, которого, как я поняла, прислали из агентства, добился шестилетнего срока. Мое начальство решило не бороться за мою свободу, а в газетах потом написали: «Девуш-

ка зарезала жениха и его бабушку из ревности». А ведь он, действительно, был – повод для ревности. В личных вещах Егора нашли его откровенные фото и переписку с какой-то девицей. Якобы он познакомился с ней уже после нашей помолвки, а я, узнав об измене в тот роковой вечер, сорвалась и зарезала любимого, да еще и бабуку его, ослепнув от ревности, покровсала.

Понятно, что все эти фото и переписка были подкинута недругами, которые убили Егора и хотели свалить вину на меня. Отчасти у них это получилось, но ведь я жива, а, значит, точки в том деле никто не ставил. Возможно, целью наемников была именно Леокардия, ведь бабка вела дела агрессивно, устраняя конкурентов без жалости. Я же стала удобным поводом, которым воспользовались. Не исключено, что Леокардию Корнееву и ее внука устранил кто-то из моего же агентства, потому что работали профессионалы.

Из тюрьмы многое не узнаешь. Одно время я следила за Корнеевыми по интернету, но Егор умер, а больше меня никто в их семье не интересовал. Новости были скудные. Младший брат, который был заблудшей овцой, вернулся из Латинской Америки, и занялся делами семьи вместе со вторым – тем самым ботаном, о котором в прессе почти ничего не писали. Как бы там ни было, но начинать поиски убийц придется с родового гнезда, и я уже представляла, как развоняется этот нарыв, когда я его вскрыю. Главное – не спешить.

Из прошлого меня выдернул ритмичный грохот музыки,

донесшийся с первого этажа. Я посмотрела на часы. Половина третьего ночи, но кому-то не спалось, как и мне. Я накинула куртку и вышла во двор. Тихо падал снежок, в воздухе – ни ветерка. Окна квартиры, которую, по словам пенсионерок, раньше занимали наркоманы, а теперь – тихая семья, были распахнуты, и оттуда ревели музыка. То ли все жители дома страдали глухотой, то ли что-то знали и предпочитали с «тихой парой» не связываться. Подкравшись, я увидела голых, пьяных в стельку мужчину и женщину, совокупляющихся на кухонном столе. На шкафу стояла колонка и грохотала басами на всю улицу. В голове промелькнуло с десяток картин, что я могла бы с этой «тихой» парой сделать, но потом вдруг поняла, что отнимать «работу» у местного дьявола не хочу. Как не хочу оставаться в Лесогорске целый год. Своего кота я заведу не в этой квартире.

Вернувшись к себе, я включила ноутбук и купила билет до столицы на последние деньги с карты. Потом спустилась в подвал, вскрыла щиток, выкрутила пробки и в блаженной тишине легла спать. Если Грач и ожидал от меня этого шага, то неприятности я встречу уже завтра в аэропорту. Ведь жизнь – это клетка настолько, сколько ты в ней остаешься.

Глава 4

Рейс задержали почти на сутки. За большими окнами аэропорта валил снег, в зале ожидания грустно толпились люди в шубах, дубленках, куртках и пальто, потому что ночью ударил мороз, лопнули старые трубы, и аэропорт вместе с двумя поселками в пригороде Лесогорска остались без отопления. Трех газовых обогревателей, расставленных возле столиков кафе, явно не хватало. Говорили, что скоро подвезут тепловентиляторы, часа через четыре починят тепло-трассу, а там, может, Лесогорск меня отпустит, и я полечу в столицу.

Стрелки часов показывали три пополудни, а рейс обещали запустить к семи вечера.

Я подумала и решила в город не возвращаться. В кафе внутри аэропорта все места были заняты, зато в столовой, расположившейся в отдельном здании на стоянке, несколько столиков еще оставались свободными. Как я поняла, днем здесь кормили котлетами и борщом, а ближе к вечеру открывался бар и крутили диско. Сейчас барная стойка была накрыта бархатным отрезом, а по колонкам ползали тараканы. Подумав, я решила ограничиться пакетированным соком и шоколадным батончиком, у которого имелось одно преимущество – невскрытая упаковка. Антисанитария была, конеч-

но, милой, вполне в ретро-стиле маленького города, но бегать по туалетам в самолете не хотелось.

Мне повезло занять столик у окна, откуда только что ушла недовольная пара. Наверное, нашли что-то такое в борще, отчего оставили все блюда нетронутыми. Я отодвинула тарелки на край стола, решив, что, если пара вернется, сразу уступлю место. С первого взгляда ни в борще, ни в котлетах ничего подозрительного не наблюдалось, значит, дела обстояли еще хуже. Люди проявили мудрость, решив не ругаться с персоналом из-за пропавших продуктов. Опыт подсказывал, что результатом будет лишь испорченное настроение.

Я откупорила сок, развернула шоколадку и стала бездумно пялиться в окно, запорошенное снегом. Нарочно гнала все мысли, чтобы не сомневаться. Неправильно было нарушать порядок, установленный теми, кто контролировал ситуацию, но, если Грач меня помнил, то он должен был знать, что я его нарушу. Из этого следовало, что мой поступок был предсказуем, ответные меры уже приняты, и в проигрыше останусь только я. Метель усилилась, и снег налипал на стекло снаружи. Подумалось, что к семи вечера погода, скорее всего, не улучшится. Может, это был знак, что нужно вернуться? Тюрьма наделила меня мистическим сознанием, и с некоторых пор я стала верить в приметы. Я уже минут двадцать косилась на уборщицу, которая ходила вдоль буфета с пустым ведром, жалуюсь бармену, что не может набрать воды из-за сломанного крана. Ведь была же такая примета, что

баба с пустым ведром – к беде?

В отличие от аэропорта в столовой работали четыре конвектора, которые весьма неплохо нагрели помещение. Я, наконец, согрелась, уборщица скрылась в подсобке, и я стала присматриваться к буфету, где наливали кофе. Сок оказался приторным, шоколадка несъедобной. О чем я думала, когда я их покупала? Наверное, о том, что когда-то я была сладкоежкой, но тюрьма от сладких вкусов отучала быстро. Сделав глоток и надкусив кусочек, я присоединила сладости к тарелкам с борщом и котлетами. Люди продолжали прибывать, видимо, разведав, где самое теплое место на территории аэропорта. Пришлось для вида подвинуть к себе борщ, потому что задержали еще два рейса, и толпа наседала. У меня забрали соседний стул, но на своем я сидела прочно, и вид имела свирепый. Два мужика с полными подносами тарелок какое-то время хищно кружили вокруг меня, но, не выдержав взгляда, удалились есть на подоконник.

Пока я играла с ними в гляделки, то не заметила, как к моему столику под села девица, которая уселась на свой большой чемодан.

– Котлету доедать не будете? – прямо спросила она, и не дождавшись ответа, придвинула тарелку к себе.

Дерзкие молодые мне нравились, и я даже хотела предупредить ее о несъедобности продукта, но котлета очень быстро исчезла в ярко накрашенном девичьем рте.

«Ну, и черт с тобой, – хмыкнула я про себя. – Кто-то ведь

покупает привокзальные пирожки. Девчонке, наверное, не впервые будет. Главное, чтобы мы не одним рейсом летели».

– Ленка, – через столик ко мне протянулась тощая девичья ладонь с зелеными ногтями. Лак не первой свежести, заусеницы обкусаны до крови, кожа обветренная, между пальцами характерные пятна курильщицы. Ресницы накрашены густо и неумело, стрелки кривые, брови по старинке выщипаны и нарисованы заново. На вид созданию было лет двадцать, но в паспорте могла быть нарисована любая цифра. Больше всего мне понравились в девушке глаза. Хоть они и повидали грязи, но мир в них еще отражался чистым и красивым – как картинка в детской книжке. Увы, долго ей такой оставаться было не суждено.

– Галя, – представилась я, аккуратно коснувшись протянутых пальцев. Взгляд так и цеплялся за рукав куртки – вдруг оттуда выскочит кинжал. Рукопожатия я не любила, всегда переводя их в легкое касание.

– Ну, и снежище! – воскликнула Ленка и стянула с головы шапку. По плечам рассыпалась копна белокурых локонов, в ушах болтались дешевые сережки «под золото». Она явно искала тему для разговора, мне же стало жаль, что такая молодая и красивая, а уже одной ногой – там. Ее следующий вопрос совсем не удивил:

– У меня перевес, посылочку с собой в салон не возьмешь? – произнесла Ленка, а сама принялась косить глазом за барную стойку, откуда за нами пристально наблюдал туч-

ный мужик под два метра ростом. С такими связываться – один вред для здоровья.

– Что слушаешь? – спросила я, кивнув на старенький плеер. Такие устройства только в Лесогорске и встретишь. Я думала, мир про них уже забыл.

– Точно не Бетховена, – фыркнула девчонка, а я удивилась, что она знала такие имена. Тяжелая у нее была жизнь, по лицу видно, но я заставила себя отвернуться к окну.

Как сказала бы Медведка, Ленка эта вела свой корабль в последнюю гавань, а Северине Ромовой роль мамочки заблудших дочерей никогда не шла. Да, с фамилией мне не повезло, как и с позывным. Кто ее придумал – начальство органов опеки или детдома, было уже неважно, но любовь к крепкой выпивке прослеживалась. Не Водкина – и то хорошо. Нина Глебовна, старшая воспитательница в доме малютки, куда меня подкинули, призналась как-то, что имя мне придумали коллективно, когда «девочки» собрались посидеть после тяжелого трудового дня. К задаче подошли творчески и сошлись на том, что никого еще за всю историю их дома малютки так не называли.

– Посылку брать будешь? – потрепала меня за рукав нетерпеливая Ленка, привлекая к себе внимание. Не знала соплячка, что те, кто так делал, могли умереть от резкого удушья в горле. Я выдохнула, спрятала руки под стол и уставилась на нее честным взглядом:

– Ну, и какая у тебя там наркота?

– Дура, что ли! – сразу вспыхнула девушка и, забывшись, снова оглянулась на мужика. Тот кивнул ей на меня – трудись, мол.

– Специи для бабушки, – выдала она рабочую версию. Я даже скривилась от такого скудоумия. Было немного обидно. Вокруг толпилось столько людей, но тупой почему-то посчитали меня. Я поймала в отражение свое лицо. Макияж не потек, грим показывает всем приятную картинку, выражение глаз под контролем, волосы собраны в деловые косы – идеально для путешествия. Что со мной не так, Ленка? Почему предложение перевезти наркоту ты сделала именно мне?

– Не кипятись, а то обоссешься еще, – фыркнула я. – Ты из Лесогорска, верно? Завтра же зайдешь ко мне в участок. Лучше добровольно, чем принудительно. А зовут меня капитан Свирепова – легко запомнить.

Глаза у девчонки округлились от страха, а прочитать ее мысли теперь можно было и не обладая суперсилой. «И как же я так облажалась, что предложила роль курьера полицейскому?»

Предугадывая ее действия, я схватила Ленку за руку, удерживая на месте, и засмеялась.

– Да пошутила я, давай свою посылку, отвезу куда надо.

– Пошла ты! – девушка потянула руку, я резко отпустила, и она едва не влетела в уборщицу, которая где-то набрала воды и явно собиралась мыть пол, несмотря на наблюдающийся в кафе людской хаос.

– Горячего чаю хочешь? – по какой-то причине мне не хотелось отпускать девушку. Наверное, потому что она напоминала меня в том же возрасте. Только мне повезло, когда я встретила Жало, забравшую меня с улицы, а вот у этой Ленки шансов на будущее было мало.

– Шутка, правда, дурацкая. Да мне просто скучно, – призналась я. – И чего ты ко мне со своей посылкой прицепилась? Я на маргинала вроде не тяну.

– В том-то и дело, что не тянешь, – вздохнула девчонка, снова усаживаясь на свой чемодан. – Лучше водки купи, что мне твой чай?

Совсем я от жизни отстала, но к таким деталям реальности возвращаться не хотелось. Я все-таки купила ей стакан чая с пирожным. Ленка сначала кривила губы, присматриваясь к другим клиентам, но потом махнула рукой и затолкала в рот сразу половину шоколадного бисквита.

– Хаоая ы этка, – пробубнила она с набитым ртом.

Я махнула на нее рукой, хмурясь на погоду. Кажется, никуда я сегодня не улечу и могилу Егора в ближайшее время не увижу. Вот интересный вопрос: мне, правда, нужна была его могила, или я все-таки хотела побеспокоить Корнеевых?

– Хорошая ты тетка, говорю, – уточнила девушка, подбирая крошки. – Может, знаешь, кто пакетик мой возьмет? Есть знакомые? Мне обязательно его пристроить надо, ты даже не представляешь, как сильно надо. Прямо очень.

Я вполне представляла. Покосившись за барную стойку и

не увидев там мужика, спросила:

– Я сама у вас проездом, но раз ты из Лесогорска, про дьявола, наверное, слышала? Ну, который по ночам нариков и хулиганов лупит? Правда это, или бабульки, которые о нем слухи распускают, совсем моросят?

– Ой, и ты туда же, – вздохнула девчонка. – Журналистка, что ли? Так бы сразу и сказала.

Я неопределенно пожала плечами. Версия мне понравилась.

– Да это еще один псих местный, – махнула рукой Ленка. – У нас два года назад дурку распустили, теперь на улице каких только идиотов не встретишь. Все они по ночам шарахаются, а в темноте кого встретишь – нас, девок Рустама, да пьянь. Вот бабки и разнесли по городу, что герой появился. Этот дьявол всего разок-то на Макса напал, да и тот сам виноват больше, зачем-то полез к нему, хотя этот псих его сначала и не трогал. А все остальные случаи бабки от скуки выдумали. Так в газетенке своей, или где ты там строчишь, и напиши. Все, мне пора. Пошла я. У тебя своя работа, у меня своя.

– На панель тоже собралась? – поинтересовалась я. – У вас тут, наверное, выбор не велик.

– Ну, ты и выражаешься, – рассмеялась Ленка и передразнила:

– «На панель» – так никто уже не говорит. Не, туда не пойду, платят мало, да и Рустам – тот еще зверь и садюга. Девочки от него воют. С Маратом проще, и денег у него за-

работать легче.

– Марат – этот ваш главный?

Ленка подозрительно прищурилась.

– А может, ты все-таки из легавых? Пирожными кормишь, зубы заговариваешь, вопросы опасные задаешь.

– Да я из любопытства, – хмыкнула я. – Профессиональное, сама понимаешь.

– Ничего я не понимаю, – буркнула Ленка, но к столику вернулась. Было видно, что ей ужасно не хочется выполнять то, что требовал от нее мужик за барной стойкой.

Мы еще какое-то время поболтали о погоде, о том, как Ленка живет в однушке с отцом пьяницей, как мечтает уехать в столицу и стать актрисой, но, в конце концов, пришлось расставаться, потому что объявили мой рейс. Несмотря на то что снег валил, будто перья из выпотрошенной подушки, самолет собирался взлетать. Мне хотелось что-нибудь подарить ей на прощание, и я сняла свой шарф.

– Просто так, – сказала я. – Новый, пару дней назад купила.

Ленка отказываться не стала и, намотав шарф на шею, поволокла свой чемодан к новой партии посетителей. Оглядываться она не стала.

Я зашла в туалет, не спеша поправила макияж, пожалела, что поправить мысли таким же легким жестом не получается, и вышла на улицу в объятия метели. Колючий снег сразу уткнулся в голую шею, но его укусы я не замечала. На ду-

ше разлилась необъяснимая тревога, которая трезвонила, не давая успокоиться – что-то шло не так. Посадка только началась, поэтому я решила остудить голову и пройти перед долгим полетом.

Егор как-то сказал, что у меня талант «появляться не в то время и не в том месте». Я всего лишь раз побеспокоила его, когда он работал дома, и вломила в его рабочий кабинет с миндальными пряниками – как раз тогда практиковалась в кулинарии. Из ноута кричал какой-то мужик, Егор в результате накричал на меня, а потом извинялся каждый день, пока его не убили. К человеческим эмоциям я относилась спокойно, и эпизод тот сразу забыла, но Егор страшно переживал, что меня обидел. Отзывчивее человека я не встречала.

В общем, сейчас меня тоже занесло не в то время и не в то место, потому что по дороге к аэропорту я решила сделать крюк и обойти немаленькое здание столовой, к которой примыкали гаражи и несколько складов. Как оказалось – не зря.

Метель воеет, колючий снег сечет и режет, ветер с ног валит, – какой нормальный человек будет шарахаться в такую погоду? Видимо, на то и рассчитывали двое амбалов, которые кого-то пинали от души у мусорных баков. Криков слышно не было, но слух у меня хороший, и сквозь рев непогоды я услышала писк, показавшийся знакомым. А потом я разглядела зеленое пятно своего шарфа. На грязном снегу среди объедков, которые растащили крысы, валялась Ленка

и мужественно терпела, как двое мужиков, в одном из которых узнавался двухметровая дылда с барной стойки, пинали ее в живот. Что-то они ей еще и выговаривали, она же в ответ лишь пищала. Похоже, посылка с наркотой так и не улетела.

Когда Грач сказал мне «сидеть тихо», он точно имел в виду ни в какие драки не ввязываться. Да я и не собиралась. То, что происходило на заднем дворе столовой, дракой назвать было нельзя. Подумав, что правильнее было бы позвать полицию, я поступила как всегда – неправильно, при этом от мысли про полицию не отказалась. Просто изменила порядок действий.

Мне было жаль Ленку, но честнее было признаться в том, что я ухватила за возможность, которую предоставил амбал, вызвавший к себе неприязнь еще в столовой. Когда такие типы дают шанс размяться, я от него не отказываюсь.

Наклонившись, я слепила снежок и запустила им в лысую башку того, что пониже. Он так рьяно пинал Ленку, что сразу моего вторжения и не заметил. Пришлось повторить, влепив в снежок еще и мятую пивную банку. Снаряд прилетел в шею, как задумано, и на этот раз они обратили на меня внимание.

– Вали давай отсюда, – ожидаемо неласково послал меня тот, что пониже. Я назвала его Лысым. Кажется, мой снежок он принял за порыв ветра со снегом. Я притворно вздохнула. Мне больше нравилось, когда противник нападал первым.

– Полицию на помощь позвать? – обратилась я ко второ-

му, которого видела в столовой. Этого решила обозначить Дылдой. – Девчонка что-то у вас стянула? Правильно, таких только бить надо, соплячек мелких. Толку-то, что полиция ее сейчас заберет. Отпустят ведь все равно, и она снова за старое возьмется. Кассу обчистила или из чемодана что украла? Я свои вещи под замком держу.

И я потрясла дорожной сумкой, демонстрируя маленький замочек, который висел для вида.

– Сдурела ты, баба, что ли? – судя по выражению их физиономий, ни Лысый, ни Дылда ничего из моей реплики не поняли.

– Иди к дьяволу! – послали меня во второй раз, а третьего я решила не дожидаться. У Ленки вся моська была в крови, а дьявол, действительно, мог появиться и лишить меня развлечения. В Лесогорске все-таки было скучновато.

Глава 5

Тяжелая сумка полетела в Дылду, как в более опасного противника, а я прыгнула на Лысого, который в это время как раз повернулся к Ленке, оказавшись ко мне спиной. Но то ли я его недооценила, то ли сказалось долгое отсутствие тренировок, однако мужик меня быстро скинул, резко нагнувшись вперед. Я перелетела через Ленку и больно стукнулась плечом о мусорный контейнер.

– Ведьма! – плюнул в меня второй, обладающий, видимо, задатками ясновидения, раз так точно угадал мой позывной. У него на лице наливался синяк от удара моей сумки. Края доньшка были обиты стальными креплениями, специально для таких целей. Когда оба амбала ринулись ко мне, сердце забилось, как барабан, но я уже владела собой. Опустила плечи, признавая поражение и позволила схватить себя, лишь исподлобья взглянув на презрительно ухмыляющуюся физиономию Лысого.

Была у меня такая привычка – запоминать лица до того, как наступал неотвратимый момент, и человек терял привычные очертания. Мой взгляд еще раньше зацепил пожарный щиток, висевший у двери склада. Бить этих упырей вручную мне совсем не хотелось. Оставив куртку в руках Лысого, я кувырком преодолела расстояние, сорвала замок

и повернулась вовремя, чтобы встретить удар Дылды.

Крюк пожарного топора идеален, если нужно сдержат удар того, кто выше ростом. Я зацепила им запястье амбала, резко провела вдоль по руке и – хрясь, противник лишился зубов. Еще удар, еще. Хруст перебитого носа и ребер. Каждый удар отзывался болью в плече, который я ушибла о мусорный бак, но эта боль словно подкидывала дров в топку ярости. Лысого пришлось догонять. Я сравнила счет, выбив зубы и ему тоже. Решив, что пора звонить в полицию, я опустила топор и сняла ногу со спины Лысого. Тот пополз к складу, забыв о товарище. Дылда пытался встать на четвереньки, но сломанные ребра мешали. Я пнула его в зад и подумала, сколько у нас шансов встретиться вновь. Если улечу в Москву, вероятно, нулевые. Впрочем, если останусь, скучать не придется, потому что тип наверняка пожалуется тому, кто у них тут главный, как там его – Марату, и со мной захотят пообщаться поближе.

Я повернулась к Ленке, но той и след простыл. Если я и испортила ей карьеру, то так даже лучше. На месте соплячки я бы сейчас покупала билет в другой город. А там, может, и удача ей подвернется. На земле валялся мой шарф, втоптаный в грязь. Я подобрала его, потом сумку, уже изрядно запорошенную снегом, погрозила пальцем Дылде, который, спрятавшись от меня за мусорным баком, тихонько подвывал буре, и нащупала в кармане посадочный талон – порванный. Если судьба и хотела дать знак, то яснее намекнуть бы-

ло сложно.

На входе в здание аэропорта я сказала контролеру у рамки металлоискателя, что видела парней, дерущихся у мусорных баков на заднем дворе столовой. На всякий случай добавила, что сама искала там сбежавшую из переноски кошку знакомых. Женщина в форме выслушала меня довольно равнодушно, но в рацию что-то пробубнила. Оно и понятно. Кому охота разнимать идиотов в метель.

В туалете я сняла варежки и осмотрела сбитые костяшки правой руки – в энтузиазме перестаралась с мордой Лысого. На белый фаянс потекли розовые струйки. Хорошенько отмыв пальцы, я взглянула на себя в зеркало и вдруг четко осознала, что взглянуть на могилу Егора одним глазком у меня не получится. Эмоции зашкаливали. Я ведь устрою побоище – хотя бы в той же семье Корнеевых, которые наверняка знали про настоящих убийц Егора. На воле дышалось слишком хорошо, обратно в тюрьму я не пойду.

Нужно успокоиться и отсидеться – пусть и в скуке, но план Грача был хорош всем. Я, конечно, немного испортила себе отпуск с этими двумя наркоторговцами, но валил снег, и на мне была шапка – запомнить будет сложно, учитывая, что мы находились в аэропорту, где собирались люди со всей страны. Меня разглядела Ленка, но я надеялась, что у девчонки хватит мозгов спрятаться и молчать. Проблемы с начальством у нее и до меня появились. Я решила, что поищу квартиру ее деда в Лесогорске. Бабкино радио редко когда под-

водило. А еще завтра надо будет вернуться в столовую и посмотреть нет ли возле мусорки камер. Шансов мало, но проверить такие вещи стоило. Светиться на заднем дворе сейчас было рискованно. Наткнусь либо на полицию, либо на друзей побитых амбалов.

Обдумав все это и взглянув в зеркало себе в глаза, я поклялась больше не ввязываться ни в какие сомнительные истории, вести себя тихо, ни с кем не драться и с подозрительными девочками (а тем более, с мальчиками) не знакомиться.

В Лесогорск я вернулась к полуночи, с трудом протолкнувшись в последний автобус. На всякий случай сразу в квартиру не пошла, а походила вокруг дома, внимательно изучая окрестности, крышу и окна. Сигнальные маяки тронуты не были, квартира пустовала. Не включая свет, я приняла душ и легла, не распаковывая чемодан. Снова поползли мысли про огнестрел, но усилием воли я отсекала их, как притягивающие неприятности. Положив под подушку японский нож, я немного успокоилась и даже почти заснула. По крайней мере успела увидеть улыбающееся лицо Егора, прежде чем меня разбудил рев музыки с первого этажа.

Какое-то время я лежала, пялясь в темноту и думая о вызовах судьбы. Я даже собственницей квартиры-то не была, так, проездом здесь оказалась. Общественным порядком должны заниматься соответствующие органы, участковый, к примеру. Поговорив так с собой еще минут десять и пони-

мая, что кровь, разгоряченная дракой в аэропорту, на самом деле ни черта не успокоилась, я села и потянулась к одежде, уговаривая себя, что мне ведь плевать на шум, как и всем жителям дома, которые вели себя тихо-тихо. Никто даже в стенку не постучал. Получалось, что, как всегда, одной только мне и надо.

Прошла на кухню и поставила чайник. В ноябре рассвет поздний, но горизонт уже брезжил бордово-малиновыми всполохами. День обещал быть ветреным и морозным. Я приоткрыла окно, чтобы впустить холодный бодрящий воздух и прогнать остатки сна. Вместе со свежестью и басами в комнату влетел женский вопль и крики о помощи. Телефона у меня не было, и чтобы позвонить в полицию пришлось бы тревожить соседку, которая наверняка тоже не спала, но вмешиваться боялась. Интересно, чем их всех эта «тихая пара» запугала?

Общаться с полицией мне не хотелось, поэтому я решила голову не ломать и выбрала легкий путь. На сложных дорогах, которые попадались мне чаще всего, я и так уже вдоволь шишек насобираала.

Натянула на голову балаклаву – лыжную маску, которая закрывала голову, лоб и лицо, но имела прорези для глаз и рта, я нацепила поверх солнцезащитные очки, вывернула куртку наизнанку и снова пообещала себе, что я только поговорю. А потом схожу к врачу в местную поликлинику и пожалуюсь на плохие нервы. Пусть мне пропишут успокои-

тельные.

Уже на лестничной площадке подумала, вернулась и взяла топор. Грохот по всему дому стоял такой, что я не волновалась, что кто-то услышит, как я спускаюсь. На всякий случай на каждой площадке выключила свет, чтобы старушки не подглядывали. Думала проникнуть, как в прошлый раз через окно, но потом мне стало лениво и, достав отмычку, которую я смастерила за долгую неделю безделья, я вскрыла замок и отодвинула дверью гору пустых бутылок, блокирующих вход. А что? Неплохая система защиты, правда, обитателям сей норы она не помогла. Из-за рева колонок они бы и взрыва не слышали.

Похоже, все то время, пока я ожидала рейса в аэропорту, «тихая пара» потратила на пьянство. Что бы там в жизни у них ни происходило, но, кажется, претензии эти люди испытывали ко всему миру. Сил на секс у них уже не имелось, зато на драку остались. Мужик в трениках нависал над женщиной в халате, скрючившейся у батареи, и периодически пинал свою собутыльницу ногами. Иногда у нее появлялся голос, и тогда она начинала кричать в открытое окно и звать на помощь. У меня даже чувство дежавю появилось – до того ситуация напоминала ту, что произошла на заднем дворе столовой. Только Ленка терпела молча, уверенная, что помощи в этой жизни ждать не от кого.

Кто из них был больше пьян, я разбираться не стала. На такую бытовуху у меня всегда появлялся рвотный рефлекс и

хотелось прибить обоих. Его – за агрессию, ее – за тупость. Чтобы оставаться с таким чмом, как тип, на лысый затылок которого я сейчас смотрела, нужно было взрастить в себе особый идиотизм, который лечению не поддавался.

Размахнувшись, я всадила топор в надрывающуюся колонку и несколько минут, пока бухарики соображали, что случилось, наслаждалась тишиной. Наконец, меня заметили, поднялся крик. Женщина вопила: «дьявол, дьявол!», и мне даже стало немного обидно за чужие лавры. Потом на меня попер мужик, схватив со стола бутылку, и я повторила трюк с выбитыми зубами. Чтобы впредь лапы свои распускать не повадно было. Схватив его за майку, я слегка стукнула дебошира об стенку и припечатала его руку к столешнице. Между делом, швырнула хлебницу в даму, которая бросилась защищать своего пьяного ухажера. Тяжелая плетенка, угодившая ей в грудь, на какое-то время девицу задержала, я же, занеся топор над пальцами мужика, отчетливо прошипела ему на ухо:

– Впредь тебе запрещается слушать радио, музыку или смотреть телевизор в этой квартире. Включишь что-нибудь – хотя бы тихонечко, и на следующую ночь я отрублю тебе пальцы. Позовешь друзей – и лишишься руки. Понял?

– Да пошла ты, шука! – прошепелявил он и попытался вырваться, тут же получив по яйцам. Лень мне было что-нибудь сложное придумывать.

Я провела небольшой закрепляющий урок и опустила лез-

вие топора рядом с его большим пальцем. Потом посмотрела на даму:

– Тебя это тоже касается. Не слышу.

– Понял я, – завыл мужик, плюясь кровью из разбитого рта.

Долго я с ними возиться не стала. Шикнув еще раз на женщину, которая тут же передумала проявлять героизм, я покинула неприятную квартиру через окно. Не то чтобы мне нравилось бить и калечить людей, но по-другому общаться с некоторыми представителями человечества не получалось, а терпение давно иссякло. Я все-таки была не молоденькой девочкой.

Добежав до парка, я спрятала топор и балаклаву в дупле тополя, который заметила давно, решив забрать ценные вещи ближе к обеду. Наркокурьерам дупло не нравилось своей очевидностью, а дети с утра учились и тоже не могли посягнуть на мои личные вещи. Повязав куртку вокруг талии, я распустила волосы и легонько затрусила по дорожке, чувствуя, как утренний мороз покусывает уши и щеки. Облегчения от того, что во дворе наступила тишина, я не испытывала. Ощущения были прежними – будто в грязь окунули. А еще проснулась давно задавленная тоска, которую я силой не пускала в душу, но она все время старалась просочиться обратно. При взгляде на такие пары вера в любовь испарялась, как вода на раскаленном камне. Мы с Егором были разными, но у нас все могло получиться. Я была однолюбкой, второго

шанса в этой жизни у меня не будет.

Сделав круг и никого во дворе не встретив, я прокралась под окна неблагополучной квартиры и какое-то время слушала ругань внутри.

– Говорю тебе, это нарики хотят у тебя дом отжать, – выговаривала женщина, перемещаясь по комнате из угла в угол. – Не надо было с Маратом спорить. Ну и что, если бы его коробки с дурью тут пару недель постояли. Нельзя было ему отказывать. У тебя вон, вся квартира и так хламом завалена.

Голос мужчины раздавался глухо. Кажется, это он теперь валялся под батареей.

– Ушпокойща и принеси мне выпить, щертова шука.

– Сам себе принесешь, – огрызнулась женщина, которая, похоже, протрезвела быстрее собутыльника. – С меня хватит. И с Маратом я общих дел иметь не собираюсь.

Умная девочка, не то, что Ленка. Одно плохо. Почему люди сразу думают о каких-то глобальных причинах, помещая себя едва ли не в центр вселенной? Всего лишь нужно было выключить музыку... Непонятно, где в моих словах они слышали намек на делишки Марата, с которым мне, похоже, все равно придется познакомиться.

Она просто обязана была хлопнуть дверью – что и случилось. Как говорила Жало, старые методы – самые лучшие.

Уставшая и совсем не довольная, я вернулась в квартиру – как раз вовремя. Ноутбук проявил инициативу, самостоятельно подключившись к интернету и превратившись в те-

лефон. Корпус звенел и вибрировал. Первым желанием, конечно, было выбросить его в окно, а потом уже объясняться, что с дуру приняла его за взрывчатку. Но я и так много накосячила и решила не усложнять ситуацию. Если со мной захотели связаться, то везде достанут. Тем более, вроде как, и повод уже имелся. Хотя я искренне надеялась, что о моих шалостях в аэропорту большому начальству еще не известно.

Села за стол, я пригладила волосы, сделала несколько глубоких вздохов и открыла ноутбук, нацепив на лицо дежурную улыбку. За окном расцветало тусклое ноябрьское утро. В Лесогорске начиналась среда – обычный день, пусть он таким и останется.

Грач обожал видеосвязь, поэтому я не удивилась, когда увидела его лицо на экране. Полное лицо на полном экране. Казалось, что за ту неделю, что мы не виделись, он разжирел еще больше. Грач и сейчас что-то трескал – на губах блестели масляные пятна. С такими темпами в кресле начальника ему скоро станет тесно. Вот и возмездие. Я выбила мужику зубы, а теперь Грач будет выбивать дух из меня. Уж слишком сосредоточенной у него была физиономия.

– Как отдыхается, котенок? – приветствовал он меня, ухмыляясь своей влажно-жирной улыбкой. Знал, что я далеко, а потому вернул мне ответочку за мое поведение в машине. Да пофиг. Одно его появление уже испортило день и настроение. Слова теперь ничего не значили. А я наивно полагала,

что времени у меня много. Всего-то неделя прошла!

– Немного скучно, но придерживаюсь плана, – осторожно ответила я, прощупывая почву.

– Вот и молодец, я знал, что ты заскучаешь, детка, – продолжил испытывать мое терпение Грач. – Значит, лежишь и не отвечаешь?

Ни черта этот придурок не знал. Ни про драку в аэропорту, ни тем более про мужика с выбитыми зубами на первом этаже.

– Лежат, вообще-то, покойники, – настроение резко портилось и скрывать его не хотелось.

– Вот и я про них, про покойников, – рассмеялся Грач. – Впрочем, только про одного. Считай, это благотворительностью, за которую тебе хорошо заплатят. Я твою карту не проверял, но уверен, что все деньги ты уже спустила. Верно говорю?

Я упрямо молчала, стараясь больше смотреть на голубя, пивавшего на меня с подоконника, чем на Грача. То же мне птичник собрался...

– Всего один труп, и мы в расчете, – уже не скрываясь, выдал Грач. Он никогда не был мастером длинных диалогов и сложных ходов. Все в лоб, все сразу.

– Вы уже не на правительство работаете, так? – спросила я давно мучивший меня вопрос. Догадка пришла еще в тюрьме.

– Не вы, а мы, – наставительно поправил меня Грач. – Ты

же с нами, детка. Никто тебя не увольнял, просто твой отпуск прошел не совсем в приятном месте, – и он снова захотел. – Ладно, к делу. Убьешь Руслана Лазарева и можешь из Лесогорска валить на все четыре стороны. Я переведу тебе аванс сразу, а потом еще столько же после. А захочешь – оставайся. Я буду очень рад, работы у нас навалом.

– Это мэр Лесогорска, что ли? – прищурилась я. – И чем вам парниша не угодил? Молодой, красивый. Слушаться не хочет?

Руслан Лазарев был самым молодым мэром, которого я встречала. Судя по новостным заголовкам, он недавно отпраздновал тридцатилетие. Эх, мы даже не ровесники.

– Дела клиента – это дела клиента, – мрачно уставился на меня Грач, давая понять, что шутки закончены. – И да, мы уже не закон. Когда тебя посадили, нас как раз закрыли, и всех распустили. Понятное дело, что в том хаосе было просто не до тебя. Но, когда мы собрались заново, я сделал все, чтобы ты скорее оказалась с нами в команде.

– Спасибо, – поблагодарила я его, а сама подумала, что, возможно, Грач и не был так уж причастен к моему освобождению. А вдруг я, действительно, попала под амнистию, он же, будучи хитрой тварью, этим воспользовался? Но я была бы полной дурой, если сразу отказалась бы от его любезного предложения. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что Грач задумал. Вышедшая из тюрьмы Ведьма убивает мэра – идеальная подстава. О моем будущем, разумеет-

ся, никому дела не было.

– Хорошо, – кивнула я, нацепив маску спокойствия. – Пришли мне детали.

– Уже у тебя в ноуте, – улыбнулся Грач, видимо, и не ожидавший другого ответа. – Рад твоему возвращению, детка. Будут вопросы, звони, не стесняйся. У тебя две недели – королевское время. Помниться, раньше ты и за четыре дня справлялась. Но сделаем скидку на твой возраст. Все, молчу, о годах дамы – ни слова.

И с мерзкой ухмылкой Грач отключился. Вот козел. Можно подумать, сам мальчиком был. Я вздохнула и обменялась взглядами с голубем, все еще сидящем на подоконнике снаружи.

– Что скажешь? – спросила я его.

Птица нагло стукнула по стеклу клювом, а потом вспорхнула и улетела. Прямо в синее небо.

– Вот и я так думаю, – кивнула я своим мыслям. – Валить надо. И побыстрее.

Глава 6

Спешка – плохая подруга, тем более что в запасе у меня имелись две недели, чтобы залечь на дно по-настоящему. И не где-нибудь под контролем Грача, а в своей норе. Раньше я всегда держала несколько съемных квартир по разным городам – так, на всякий случай. Но сейчас у меня не осталось ни таких денег, ни возможностей, а самое главное не было сил. Все, что у меня сохранилось, я оставляла на главное дело, которое Грача не касалось.

Моя будущая нора обещала быть маленькой и провинциальной. Денег, которые прислал мой бывший коллега, в какой-нибудь Занадворке могло хватить на несколько лет. Вот только наемники, взявшие аванс и не выполнившие задание, долго не жили. Правильнее было бы вернуть деньги Грачу и исчезнуть с его горизонтов, но у человека, недавно вышедшего из тюрьмы, найти хорошо оплачиваемую работу шансов мало, тем более с моим прошлым. Как только Грач поймет, что я его обманула, он аннулирует мои документы и, скорее всего, я снова окажусь в розыске по какому-нибудь сфабрикованному делу. С какой стороны ни посмотри, а тюрьма не хотела меня отпускать. Легкой дороги снова не намечалось.

В голове курился туман и, чтобы собраться с мыслями,

я принялась за силовую гимнастику, открыв настежь окна. Стрелки часов показывали десять утра. За окном слышался странный гогот и, подняв голову, я увидела стаю птиц, которые, выстроившись в косяк, с криками летели по лазурному небу. Что-то припозднились гуси с теплыми странами. Может, мне тоже куда-нибудь в Таиланд податься? С другой стороны, попасть в международный розыск – а я не сомневалась, что Грач пойдет на этот шаг, тоже не очень приятно. Нет уж, буду решать свои вопросы дома, на родной земле.

Сев на шпагат, я плавно перетекла в мостик, потом встала на руки и прошлась до стены, где опустилась на голову. Стойка на голове не очень-то мне нравилась, но обычно мысли в порядок приводила. Впрочем, постояв минут пятнадцать я так и не придумала, где достать денег и куда уехать подальше. Проблема была куда глубже очевидного. Я не высижу долго в Занадворовке, потому что, увидев пару раз во сне Егора, все равно полечу в столицу искать его убийц. Самым легким решением задачи было устранение Грача и его конторы – абсолютно незаконной, как следовало из его слов. Вот только супердевочкой я никогда не являлась, тюрьма меня поистрепала, и силы оставались только на то, чтобы найти убийц Егора. О том, что будет после, я не думала. Егор стал новым солнцем моей жизни, а после его смерти на небосклоне Северины погасли все светила.

Так как моего приезда в столицу Грач ожидал, я решила пересидеть неделю в Лесогорске, затем еще две недели пря-

таться в Занадворовке – скорее всего, в Сибири или в северных районах, а потом нагряться в столицу, и там уже ни о каких последствиях не думать. Но прежде я собиралась найти квартиру Ленки, вернее, ее отца. Просто так, посмотреть одним глазком, все ли с ней в порядке. А если нет?

Мои кровожадные мысли перебил звонок в дверь. Не то чтобы он застал меня врасплох, но гостей я не ждала. Бабки-соседки, желающие посплетничать о шумной квартире? Или «тихая пара» пронюхала, кто устроил ночные разборки, и возжаждала мести? А может, весточка из аэропорта прилетела? Если на заднем дворе столовой чудом оказались работающие видеокамеры, то они могли привести ко мне людей местного бандита Марата.

В моем случае паранойя хороша во всех видах, поэтому дверь я открыла дистанционным пультом, спрятавшись у окна на кухне.

– Входите! – гаркнула я. – Открыто.

Недаром говорят, что зло входит только по приглашению. Чего стоило проигнорировать визитера? Уже по тому, что дверь не скрипнула (хотя должна была – я специально нанесла особую скрипучую смесь на петли), а также по вкрадчивым шагам, можно было догадаться, что меня навелили очередные неприятности. И голос их был мне знаком.

– Доброго тебе дня, Северина, – вкрадчиво произнес тот, кому достался более удачный позывной, чем мне. Но так как «Аллигатор» выговаривать долго и неудобно, коллеги звали

его просто – Али. С полным именем всегда только начальство выпендривалось.

Тут комок в горле у меня и застрял. С Аллигатором мы не дружили, но старались сохранять нейтралитет. Помешанный на порядке и собственных принципах, чистюля Али не вписывался в мое мироустройство. Однако он был одним из немногих, кто навел меня в тюрьме. Я на встречу не явилась, но жест запомнила. Голова еще лихорадочно соображала над причиной его внезапного появления в моей жизни, а я уже приветливо кричала из ванной комнаты:

– Какие гости приятные! – звучало так же фальшиво, как и его приветствие. – Заходи, дорогой, располагайся на кухне, сейчас выйду из душа.

Шагов я, естественно, не услышала, но по тени, промелькнувшей под дверью ванной, убедилась, что незванный гость, действительно, прошел на кухню. Три раза черт! Вот только его в моей жизни сейчас не хватало. Понятно, что отсидеться за дверью не получится, придется импровизировать. Накинув на одежду банный халат, я распустила волосы, рассовала по карманам флаконы с химией, достала из тайника пару ножей и пожалела, что полюбившийся мне японский тесак остался в спальне вместе с аварийным рюкзаком.

Али не был человеком, который обычно навещает коллег, недавно вышедших из тюрьмы. Но связывать его появление с недавним заказом Грача тоже не хотелось. Согласилась я, как мне показалось, убедительно, и причин волноваться у

Грача пока быть не могло.

Али сидел на кухонном табурете так, будто собирался прыгнуть и сломать мне шею. Красивый, высокий, в стильном черном пальто, на моей скромной кухне он смотрелся совсем неуместно. На вид ему было лет тридцать, но я точно знала, что он старше меня. Белая кожа всегда контрастировала с его лицом, в глазах которого прятались азиатские предки. На руках перчатки, в карманах – все, что угодно. Утихомирив свое воображение, я бочком прошла к шкафу с посудой, не упуская из внимания его руки. Выхода особо у меня не было. По его раскосым глазам видела – Али вломился бы ко мне в любом случае.

– Кофе, чай?

– Дорогим гостям вино предлагают, – вернул он мне мою же фразу. – Как устроилась? Грач мог бы и получше город подобрать. Климат тут отвратительный. Минус десять, а кажется, что все двадцать.

Я поставила перед ним бокал и подумала, что на верхней полке шкафа у меня, действительно, есть бутылка красного, припасенная на всякий случай. Но для того, чтобы ее достать, мне нужно встать на табурет и повернуться к Али спиной. Уж не на это ли был расчет, когда он заикнулся про вино? В конце концов, не о погоде же он пришел разговаривать.

– Увидишь Грача, передай ему, что он сука, – сказала я, приняв решение. – Нормально мне тут. А ты на пенсии?

Вопрос, после которого неминуемо следует развязка. Ска-

жет ли мой гость «да» или «нет», результат предсказуем. Если «да», значит, бывшая контора точно всех распустила, а Грач собрал новую команду уже по собственной инициативе. Скажет «нет» и пустит мне пулю в лоб.

Главное – не смотреть в окно. Пусть тебя прихватит диарея, Грач, но поминать недобрым словом я тебя буду снова и снова. Третий этаж! Не мог квартиру этажом ниже выбрать?

Аллигатор поцокал языком и, устав притворяться, перешел к делу.

– Ножичек из кармана вытащи и вон туда осторожно положи, – сказал он, кивнув на раковину. Али по-прежнему не двигался, одна рука его лежала на столе, вторая – на колене, но я интуитивно почувствовала, что в меня целятся. У него где угодно пистолет мог быть – от рукава пальто до подошвы теплых зимних сапог. Носок левой ноги, небрежно закинутой на колено правой, смотрел прямо на меня.

Мысленно обругав его «сволочью», я осторожно вынула нож, расставшись с ним не без досады.

– Грач передумал мне заказ на мэра отдавать? – усмехнулась я, держа руки перед собой. Все, что могла, я уже сделала.

– Да Грач тут не при чем, – скривился Али. – А насчет твоего вопроса, то я, так сказать, на подработках. Взял заказ со стороны.

По крайней мере, честно. Однако развить тему не удалось, так как сработала моя химия, которая высыпалась из

флакона, когда я доставала нож из кармана. Я успела проделать лезвием дыру в ткани и вытащить пробку из стеклянной тары. Порошок просыпался на пол, прямо на капли воды, оставшиеся после мытья посуды. То, что нужно. Я успела отойти и сосчитать до пяти, когда химия, наконец, вступила в реакцию с водой. Пол у раковины вспыхнул синим пламенем, которое тут же погасло, так как воды было мало, но на долю секунды Аллигатор отвел от меня глаза. Мне этого времени хватило.

Банный халат – не самая удобная одежда для прыжков из окна в стиле паркур, но сбросить его я не успела. Пришлось прыгать в нем. Сначала на подоконник, потом с него – на соседский балкон наискосок этажом ниже. Сказать, что у меня вся жизнь перед глазами пронеслась – ничего не сказать о том страхе, который пронзил тело, когда показалось, что я промазала. Но вот мои руки сомкнулись на железной скобе, и я поблагодарила судьбу за то, что балкон не был остеклен. В лицо дунул ветер, напомним, что на дворе ноябрь. Дыхание перехватило от холода, а ладони, казалось, оторвутся от железных поручней только с кожей.

Али славился меткой стрельбой, да и кто из нас стрелял плохо? На удачу я не полагалась, больше на движение и скорость. Пуля чиркнула о бетон, оцарапав крошкой мне щеку. Похоже, Али и в самом деле вышел на пенсию, раз стал мазать, но и я на следующем прыжке сорвалась и полетела вниз, мысленно попрощавшись с ногами и позвоночником. Высо-

та второго этажа – идеальная, чтобы не убиться, но сломать и спину, и конечности.

Долгих лет жизни тому, кто поленился убрать отцветшие многолетники с клумбы. Я рухнула прямо в заросли хризантем и золотого шара, утрамбованные со всех сторон опавшей листвой. Навыки, конечно, подзабыла, но время восстановить форму после тюрьмы у меня было, и вкупе с везением я отделалась ушибом плеча, когда кувырнулась уже на земле и не заметила бордюра клумбы. Но с удачей у меня всегда были напряженные отношения, потому что следующая пуля порвала мне плечо, сбив с ног.

Прыжком уйдя с линии обстрела, я завалилась за детский домик и вдруг сообразила, что нахожусь на игровой площадке возле дома, а вокруг с криками разбегаются люди – в основном, мамочки с колясками. Вот же debil! Впрочем, Али всегда был беспринципным и единственным из нас, кто мог спокойно стрелять по толпе, когда преследовал цель. Понимая, что он сейчас достанет огнестрел помощнее и разнесет детский домик в щепки, а заодно уложит тех, кто не успел спрятаться – например, ту несчастную, которая забилась за скамейку и смотрела на меня круглыми от ужаса глазами, я выскочила и побежала в сторону сквера, за которым начинались склады, а за ними – лес. Не самый идеальный путь для эвакуации из города, но Аллигатора в моих планах раньше не было.

Пуля прошла на вылет, рана горела огнем, халат остался у

домика, так как в нем путались ноги, мешая бегу, однако уже через пять минут я пожалела, что так легкомысленно с ним рассталась. Блуза и джинсы – не лучшая одежда для минус десять при сильном ветре и высокой влажности. Но самое противное – я была босиком.

Али уже не стрелял, видимо, решил, что в таком виде я от него далеко не уйду. Знал он меня хорошо, но нас разделяли четыре года тюрьмы и смерть Егора, и на его месте я бы не стала утверждать, что сейчас все случится так, как он задумал. Я уже добежала до генераторной будки, прятавшейся за оградой среди деревьев сквера, когда мимо уха просвистел нож. Он бы попал в цель – в шею сзади, если бы я не наколола ногу сухой веткой и не скрючилась от боли, на мгновение пригнувшись. Нет, это был не Али, а та самая девка, которая «косила» под мамочку, прячась за скамейкой с пустой коляской. И тут мне стало по-настоящему страшно.

Это была не просто «подработка» вышедшего на пенсию Аллигатора. На меня устроили настоящую облаву и можно было только гадать, что стало причиной. Еще двое головорезов выскочили из-за ограды генераторной будки. Огромные, в кожанках, с перебитыми носами и вставными зубами. Мимо моей головы пролетел топор – вернее, настоящий колун, который я без крика и поднять не смогла бы. Второ́й верзила выпендриваться не стал, собираясь меня просто застрелить, но тут о себе напомнила девица, которая насаждала мне на пятки и которая тоже решила открыть стрельбу.

Я ничком рухнула в листву, перекатилась, увидела летящий мне в лицо носок сапога, перехватила атакующую стопу и всадила под чье-то колено маленький перочинный нож, который таскала в кармане брюк. Краем глаза я увидела, что громила с топором сцепился с девахой, которая притворялась мамашей.

Значит, союзниками никто из них не был, каждый действовал в своих интересах. А я уже подумала про Марата, который обиделся за выбитые зубы и сломанные ребра своих людей. Но нет, наемники, которые едва не вышибли из меня дух, на местный криминал похожи не были, да и Аллигатор прилетел в Лесогорск явно не по просьбе районного авторитета. На эту «рептилию» деньги могли быть только у Грача, но тут я заходила в тупик, потому что за то время, что сидела в тюрьме, ставки в деле, где раньше я чувствовала себя своей, резко выросли. Возможно, ни Марат, ни Грач не имели отношения к моему позорному побегу по замерзшему скверу. Врагов из прошлого у меня хватало, а весть, что Ведьму выпустили из тюрьмы, любая птичка могла на крыльях недругам принести.

Захватив пистолет громилы, воющего от боли, — ходить он еще долго не сможет, я, хромая, выбежала из сквера, лихорадочно соображая, куда дальше: к складам, где могла быть засада, или лучше в лес? И почему, черт возьми, никто до сих пор не вызвал полицию? Грохот мы подняли такой, что в тихом Лесогорске должно было до самой мэрии разнестись.

Снайперская пуля опрокинула меня, когда я свернула к крайнему складу, низкому односкатному строению, на двери которой увидела висячий замок – такие срывать было несложно. К тому времени ни ног, ни рук я уже не чувствовала. Но за мной тянулся кровавый след, и мне нужна была передышка, чтобы перевязать рану. А если я найду забытый тулуп какого-нибудь сторожа – то будет предел мечтаний.

При падении я приложила голову о что-то твердое и какое-то время боролось со вспышками в глазах, сразу не сообразив, насколько серьезно меня ранили. Зрение прояснилось в тот миг, когда я увидела сетку, летящую на меня сверху. Чей-то ботинок прижал мою руку с пистолетом к земле – крик сдержать я не смогла. Не сколько от боли – вторая пуля попала в уже раненую руку, сколько от злости, что меня обездвижили, забрав желанный огнестрел.

Дважды простреленная рука онемела от плеча. Не снайпер, а мазила. Лучше меня не злить – мозг отключается, оставляя одни инстинкты. Перочинный ножик легко прятался в рукаве, вопрос был в том, смогу ли я согнуть пальцы. Оказалось – смогла. В голове уже посветлело, и я быстро прояснила обстановку. Из сквера ко мне бежал головорез вместе с девчонкой, ранее изображавшей мамашу. Похоже они договорились. Али пока видно не было, но я предположила, что снайпер мог быть из его команды – он любил их использовать. Меня вязали двое – мужчина и женщина в масках, но сейчас они были заняты тем, что стреляли в амба-

ла и девицу, притворявшуюся мамочкой. Выяснять, были ли они заодно со снайпером, или им просто повезло, времени не было.

Я рванула ножиком сетку и закончила траекторию в ноге стоящего рядом наемника. Мне понравились его кроссовки и открытые сухожилия. Ножик мало подходил для того, чтобы полностью перерезать сухожилия сзади, как того требовал голос крови у меня в голове, но повредить лодыжки получилось. Падая, охотник, ставший жертвой, криков не сдерживал. Я знала, что это чертовски больно – однажды у меня было такое ранение на левой ноге, с тех пор я старалась ее беречь.

Вторая наемница бросилась ко мне коброй, попыталась атаковать сзади, захватив за шею, но я вцепилась ей в волосы, наугад ткнула пальцами по глазам, и, похоже, куда-то попала, потому что захват резко ослабили, мне же удалось лягнуть ее между ног, окончательно освободившись.

Разбираться с наемницей было некогда, меня окружали, и я припустила в сторону леса. Силы уходили вместе с кровью, от которой слиплись пальцы. Я начала спотыкаться, а картинка серых древесных стволов на фоне бледного ноябрьского неба принялась расплываться. Прикусив губу, чтобы не потерять сознание, я оглянулась. Те из преследователей, кто смог подняться, бежали за мной с таким усердием, будто ничего дороже для них в жизни не было. Со стороны складов отделилась группа людей из четырех или пяти и присоеди-

нилась к остальным.

Что я такого успела натворить, чтобы за мной устроили охоту столько наемников? В одном я была уверена – то были люди не местного калибра. Я успела заметить двух китайцев и одного араба. Что там говорил Али? Заказ «со стороны»? Значит, и Грач тоже был ни при чем.

Меня подстрелили на лужайке, рядом с остатками кострища, где еще недавно горожане устраивали уютный пикник. Даже решетку для гриля оставили – либо по пьяни забыли, либо оказались настолько любезными, что подумали о других. Рухнув в пепелище, я вцепилась в эту решетку, чувствуя, как в боку расцветает новый цветок боли. В голове промелькнуло с десятков вариантов, как можно использовать такую удобную вещь, как решетка для гриля в бою, но ни одну из них я реализовать не успела. Мир стремительно расплывался, однако я узнала склонившееся ко мне лицо Али – наемник ухмылялся.

В следующую секунду вместо его лица появился ботинок, который стремительно приближался и... Чернота, воцарившаяся вокруг меня, спасением не стала. Мир забвения был наполнен болью и отчаянием. Я не хотела тонуть и барахталась так яростно, что, наконец, мутные воды меня отпустили.

Сначала я слышала голоса – именно они и вернули меня к жизни.

– Надо было сучку еще четыре года назад прибить, когда

мы за ее женихом приходили, – произнес кто-то скрипучий и простуженный, меня же будто молнией прошибло.

– Тогда ее не заказывали, – равнодушно ответил другой, и я узнала в нем Али.

– Я против пяти процентов, – прошипел голос третьей. Скорее всего, он принадлежал молодой наемнице, хотя то могла быть и охотница, которой я повредила глаза. Внешность в нашей профессии обманчива.

– Хочешь, чтобы мы тебя вместе с Риной закопали? – спросил Али, и девушка заткнулась. – Я признаю, что вы ее загнали, поэтому уступаю вам тридцать процентов.

– Сволочь ты, Аллигатор, – пробубнил еще один мужской голос, и я догадалась, что мои преследователи как-то между собой договорились. И хотя никто из них не был доволен сделкой, конфликтовать с Али они не собирались – мудро.

Однако сейчас меня больше всего интересовал тип, который сказал про убийство Егора. Я с трудом разлепила глаза и не сразу поняла, почему я вижу силуэты людей на таком далеком от себя расстоянии, да еще и смотрю на них снизу вверх. Потом до меня дошло. Я лежала на дне огромной ямы, которую эти придурки не поленились выкопать. Наемник, который пожалел, что не убил меня в квартире Егора, имел самую обычную внешность, но я запомнила каждую морщинку и бородавку на его бледной роже. Он, действительно, был бледным и каким-то больным на вид – будто поганка. Белая кожа в нездоровых пятнах, серая глаза бега-

ют, из-под кепки торчат жидкие русые волосы, худощавый, невысокий. Одним словом, посмотреть не на что. Но самое главное – я этого типа не знала, что озадачивало. Четыре года назад я держала в голове почти всю базу наемников, работающих в моей области.

Время разделилось на два периода. Тот, когда я собиралась искать убийц Егора в столице, и этот, когда я увидела зацепку, стоящую надо мной в глуши Лесогорска. Сам «шестерка» меня не интересовал, но эта поганка должна была вывести на след заказчика. В любом случае быстрая смерть его не ждала.

Небо над головами мерзавцев стремительно темнело, однако фонари, которые стояли на краю моей могилы светили мощно – я даже бренд куртки и кроссовок тощего типа разглядела, отпечатав их в памяти намертво. Прикинула взглядом глубину раскопанного грунта – примерно полтора метров. И как у них пупы не треснули копать мерзлую землю...

Впрочем, о глубине своей могилы я могла не беспокоиться, потому что лично мои дела обстояли хуже некуда. Сплёнатая, как мумия, я должна была умереть еще час назад от потери крови. Скрученные назад локти онемели, рану на руке залепила грязь, в боку поселился клубок змей, которые с остервенением вгрызались мне под ребра с каждым вздохом. Умру если не от потери крови, то от заражения, если не от заражения, то от болевого шока.

Я едва не рассмеялась, когда мне на грудь прилетел комок

мерзлой земли. Глупая. Можно не беспокоиться, каким способом я отойду в мир иной, ведь он был очевидным. Меня собирались закопать заживо. Я задохнусь.

Тут и ответ на еще один невысказанный вопрос подоспел.

– Может, мы ее просто пристрелим, а ему скажем, что сделали все, как было заказано? – недовольно пробормотал один из наемников. От расплзающегося тумана в голове я снова начала путать голоса, но была уверена, что это не «мой тип» – его я запомнила отчетливо. Найду даже с того света.

Вот и сегодняшний заказчик обрисовался. То, что это был «он» – уже много значило. Среди моих врагов хватало и женщин, и мужчин. Хотя бы с полом определились.

– Не, – вяло отозвался запыхавшийся Али, – так не пойдет. Фото и видеозапись просили. Я своей репутацией рисковать не собираюсь. Закапывайте ее скорее.

– Да куда торопиться? – фыркнул женский голос.

– Во-первых, она еще живая, – терпеливо объяснил Али, и на месте остальных я бы напряглась, потому что этот тон не обещал ничего хорошего. – Во-вторых, это Ведьма, и пока я не воткну кол в ее могилу, не успокоюсь, потому что она из тех, кто умеет воскресать в самый неподходящий момент.

– Тогда может кол в сердце, а не в землю? – хохотнул «мой тип». Жди меня, парень, я еще сдеру с тебя кожу заживо.

– Мы все вместе читали «справку», – прозвучал незнакомый голос, используя термин из давно забытого прошлого. Да меня целая банда провожать на тот свет собралась. – А

там сказано, чтобы Ведьму закопали заживо, сняли процесс на видео и отослали заказчику. Ты сам решишь, а я свои пять процентов получить собираюсь.

– У тебя же два, – вставил кто-то.

Ответ я не расслышала, потому что Али включил фонарик и посветил мне в лицо. В следующую секунду на меня посыпалась земля, и я принялась извиваться, как тот самый земляной червь.

– Ты снимаешь? – последнее, что я расслышала. Дальше был нескончаемый грохот сыпавшейся на меня земли, который становился громче и громче. Вот настал момент, когда я не смогла стряхнуть с себя тяжелые комья, когда голову сжало массой навалившейся сверху земли, и все, что мне оставалось, – набрать в грудь воздуха и держаться столько, сколько смогу. Там, наверху, оставался мой враг номер один, и я не имела права умирать. Вот только у темноты на этот счет имелось свое мнение.

Я потеряла сознание в тот момент, когда в мою могилу, еще не до конца засыпанную, стали падать тела. И причиной был не дележ денег среди напарников – в конце концов, похожего конфликта ожидал каждый из них. К моей могиле пришел дьявол, и вот он точно был непредсказуемым.

Глава 7

Мне снились колючие еловые ветки, втыкающиеся в спину, потом эти елки стали падать сверху, громоздясь над моим телом в гигантскую пирамиду. Я задыхалась и ломала хвою израненными пальцами, пытаюсь выбраться из-под бурелома, но земля превратилась в жидкую грязь, и меня затянуло вглубь – вместе с елками.

Я подавила рвущийся из груди крик, когда поняла, что ко мне вернулось сознание. А вместе с ним боль во всем теле и ощущение несвободы. В голове пульсировало, в ранах на боку и плече кололо, но, по крайней мере, мне не казалось, что я умираю. Лежу на спине на чем-то мягком. Тепло, почти жарко. На руках и ногах – наручники. Сталь натерла кожу, в беспомощности я дергалась, пытаюсь вырваться.

События последнего дня всплыли в памяти мгновенно, будто на столе открытое досье вместе с фотографиями разложили. Вот я падаю с балкона в клумбу, затем бегу в сквер, прячусь от снайпера по складам, а затем оказываюсь в яме и слышу фразу, которая дает мне второе дыхание. Если удача мне и улыбается, то издевательски. Я встретила убийцу Егора, когда сама очутилась на дне могилы. Надо же было так глупо попасться. Не верю, что обошлось без Грача. Только он знал, что я отсиживалась в Лесогорске. Впрочем, время

во всем разобраться у меня, кажется, появилось. Наверное, заказчик передумал и решил, что живая я буду полезнее. В последний момент меня раскопали и даже оказали медицинскую помощь. И вот я лежу не понять где, окутанная капельницами.

Стараясь не двигаться, я принялась осторожно изучать из-под ресниц мою новую тюрьму. Впрочем, если кто следил за приборами, к которым я была подключена, то уже давно понял, что я пришла в себя. Однако добровольно карты раскрывать не хотелось, а через пару минут я убедилась, что на тюрьму место, где лежала, совсем не походило.

Помещение, скорее, жилое, чем больничное. Миленькие обои на стенах, домашняя двуспальная кровать, правда, обставленная со всех сторон капельницами и мобильными медицинскими приборами, в которых я не была сильна, но поняла, что все они были подключены ко мне. Окно закрыто тяжелыми гардинами, однако сквозь плотную ткань в геометрический рисунок пробивался свет. Значит, день. Либо продолжается прежний, в котором меня подстрелили, либо начался уже новый. На полу коврики – именно они и вносили дисбаланс. Ладно если бы просто ковры, но эти – полосатые, с бахромой, узкие. Стиль «деревенский» называется.

На тумбочке рядом с кроватью громоздилась ваза с охапкой еловых веток. Вот откуда «еловые» кошмары. Комнату наполнял густой хвойный аромат. У подоконника – включенный конвектор, который жарил во всю мощь своего элек-

трического тела. Только сейчас я сообразила, что меня переодели в какую-то нелепую розовую пижаму. Теплое одеяло накрывало ноги и бедра, но мне было так жарко, что сначала я приняла включенный конвектор за изощренную пытку теплом. Что и говорить, мысли все были о них – о пытках, которые неизменно ждали таких людей, как я, когда нам не везло.

Я сглотнула и уставилась на обычную межкомнатную дверь. В больничных палатах таких не бывает, и в допросных тоже – в обоих видах помещений бывала, знаю. А тут – витражные вставки с цветочками, приятный такой цвет под березу. И никакого замка. Неизвестно, что там на окнах, но хотя бы один путь к отступлению обрисовался. И плевать, если за дверью армия. Во что бы то ни стало нужно найти того бледного парня, пока он не уехал из Лесогорска. Сколько времени могло пройти? Судя по крови, пропитавшей повязку на плече, немного.

Если я справлюсь с наручниками, справлюсь со всем.

Я уже приготовилась выкручивать суставы больших пальцев – что у меня всегда получалось плохо, как дверь скрипнула, и в проеме возник человек в медицинском халате, небрежно наброшенным на широкие плечи. Под халатом виднелись теплый свитер с горлом и джинсы. Официальных костюмов нет – уже хорошо. На время отлегло от сердца. Те, кто являлись с пытками, обычно стерильностью и белизной в одежде не заморачивались.

Притворяться спящей смысла не было, и я уставилась на вошедшего, стараясь запомнить каждую черту лица. На всякий случай. Вдруг я сбегу, а он весь такой хороший, к моим врагам отношения не имеющий? Мне ведь потом захочется отблагодарить его за перевязку. И задать пару вопросов. Впрочем, можно было не стараться. Внешность у парня была настолько заметной, что в такой профессии, как у меня, ему точно делать было нечего.

Прежде всего привлекали глаза – синие, обрамленные густыми черными ресницами. Обычно у мужчин, которых природа не обделила ресницами, взгляд томный и наивный, как у олененка, а этот, скорее, волк. Смотрит с прищуром, будто заживо препарирует. Мне даже не по себе стало. Может, и не захочется его потом искать. А может, и не будет никакого «потом», так как я вдруг отчетливо поняла, что парень имел к моему похищению самое прямое отношение. Окинула быстрым взглядом фигуру, отметила подтянутое тело и сбитые костяшки. В лучшем случае занимается спортом, в худшем – регулярно бьет кого-нибудь по морде. Взгляд задержался на красивых скулах, отвела глаза я с усилием.

– А вот и девочка из леса проснулась, – улыбнулся мой визитер, присаживаясь рядом. Массивный табурет из цельной древесины он приподнял двумя пальцами, будто спичечный коробок передвинул. Опасный тип. Кажется, мое везение закончилось. И да – я ненавидела, когда меня называли «девочкой».

– Чего молчишь? Болит, наверное, все? Ощущения будто, катком переехали? – он хохотнул и участливо похлопал меня по ноге.

– Будто в землю заживо закопали, – прохрипела я, уставившись на его руку на своей ноге. Те, кто позволяли себе такие выходки, потом долго ходили с гипсом на пальцах.

– У тебя низкий гемоглобин, и железо сильно упало, – быстро перешел на серьезный тон парень. Я даже поразились, как мгновенно в нем произошла перемена. Только что он издевался, а в следующую секунду уже изображал заботливого доктора.

– Воды можно? – попросила я, решив проверить границы дозволенного. Если насчет железа и гемоглобина было шуткой, то она была плоской. Очевидно, что я потеряла много крови.

– Но ты не беспокойся, идешь на поправку, – заверил меня незнакомец и налил в стакан воды из кувшина. Оказывается, емкость стояла за букетом и была мне не видна.

– Пей осторожно, могут быть спазмы в горле. А еще у тебя анализы плохие, будто ты из тюрьмы вышла.

Он поднес стакан к моим губам. Рука твердая, ни малейшей дрожи. При слове «тюрьма» я уставилась на него, забыв о воде и пытаясь оценить, издевался ли он, либо серьезно беспокоился о моем здоровье.

– Правильно, лучше пока не пить, – сказал он, и стакан с водой, которую я действительно хотела, безжалостно ото-

двинулся от моих губ, заняв место на столике у хвойного букета. Так и все елки мира возненавидеть нетрудно.

– Да, у меня тут и небольшая лаборатория имеется, – объяснил парень, будто прочитав вопрос в моей голове. – Сложные темы, вроде гормонов, не потяну, но биохимию, клинический анализ крови – это можно. Кстати, я тебе сделал переливание крови. Кажется, рассчитал все верно, но практики в этом деле у меня маловато. У тебя может подняться температура, однако пока с ней все нормально, – он перевел взгляд на один из мониторов. – Также может появиться чувство озноба, аллергия, сыпь. Ты как себя чувствуешь?

– Хреново.

– Не ругайся, лесная девушка. Ты ведь нимфа, а богествам грязь не к лицу.

Я уставилась на него, даже забыв, о чем хотела спросить. Разговор приобретал оттенок шизофрении.

– Так, хватит, давай к делу, – рявкнула я. Терпение заканчивалось. Где-то там в Лесогорске гулял бледный тип, который имел прямое отношение к убийству Егора, а я тут застряла с каким-то непонятным доктором, который уже заговаривался.

– Конечно, давай, – кивнул парень и улыбнулся. Черт, лучше бы он этого не делал. Не щеках появились ямочки, а вместе с густыми ресницами они производили оглушительное действие. Я даже растерялась.

– Итак, все пули прошли навылет, жизненно важные ор-

ганы не задеты, я тебя зашил, все, что надо, вколол, ушибы и ссадины обработал, лодыжку вправил. Какое-то время будешь хромать. Курс антибиотиков закончим на этой неделе, потом перейдем на витамины. Что еще? Питание поправим. Нужно срочно набирать вес. Лечебная физкультура запланирована, жаль, что у меня здесь нет бассейна. Он в другом доме, может, потом туда переберемся.

Он отчитывался, будто доктор в платной клинике. Я медленно выдохнула.

– Хорошо. Пусть так. Может, самое время задать вопросы?

Он, наконец, убрал руку с моей ноги, и я подумала – сейчас начнется. Впрочем, сама напросилась, однако ожидание пыток хуже самих пыток.

– Ты расстроишься, если я скажу, что у меня к тебе нет вопросов? – он все еще улыбался.

А я уже думала, что меня ничего удивить не сможет. Либо это была особая психологическая игра, либо все намного хуже, чем представлялось.

– Тогда сама спрошу, – решительно произнесла я. – Кто ты, черт возьми, такой?

– Кто угодно только не черт, – поднял он руки, будто защищаясь. – И, конечно, не дьявол. Я, когда на местном сайте прочитал, как меня обозвали, очень расстроился.

Мозаика постепенно складывалась. Я даже дыхание задержала от неожиданной догадки.

– Так ты тот тип, который отлупил местных наркокурьеров? И кажется, еще что-то там в парке поломал?

Парень скривился. Я задумалась, сколько ему было лет. Если мой ровесник – то слишком хорошо выглядит. Скорее всего, моложе.

– Ты нимфа, тебе просительно быть доверчивой. Не верь всему, что говорят и пишут. Я никого и пальцем не тронул, но люди любят придумывать. В каждом городе есть мифы, просто в Лесогорске их слишком мало.

– У тебя имя есть? – спросила я, решив пока игнорировать этих его «нимф» и «лесных фей».

– Есть, – кивнул он.

– Ты можешь его назвать?

– Могу.

Парень снова замолчал, а мне показалось, что надо мной издеваются.

– Назови свое имя.

– Касьян.

Ну, наконец-то. Интересно, стоит ли мне придумать себе имя, или так обойдется? У парня явно что-то в голове не совсем нормальное происходило.

– Ты выкопал меня из земли?

– Мне было скучно и тоскливо, – кивнул он. – И тут деревья сделали мне подарок. Послали свою дочь в утешение. Точно дурак. Надо быть еще осторожнее.

– А что стало с теми, кто меня закапывал?

– Касьян – слишком длинно и сложно. Можешь называть меня Яном.

Уходит от ответа. Хоть бы моего тощего парня не прибил. С другой стороны, о чем это я? Меня закапывало человек пять наемников-профессионалов, включая Аллигатора. Справиться с такой армией мало кому под силу. Скорее всего, он дождался, когда они уйдут, а потом меня раскопал. Ладно, что-то проясняется. Может, все не так уж плохо, как казалось на самом деле.

Я открыла рот, чтобы задать следующий вопрос, у меня их было много, но тут Касьян встал и переключил что-то на приборе, от которого ко мне вилась трубка капельницы.

– Ты утомилась, лесная фея, – решительно сказал он. – Тебе надо много спать и поправляться. Отдыхай.

В моих глазах начало резко темнеть, но я изо всех сил пыталась бороться с подступающим сном. Кажется, я поспешила с выводами. Ни черта не прояснилась. Кто ты такой, если не дьявол? Что это за место? Но самое главное! Что тебе от меня нужно?

Если меня и мучили кошмары, то они провалились в небытие вместе с другими снами. Я проснулась так резко, будто мне в вены влили крепкий кофе. Открыла глаза и уставилась в темноту, в которой угадывались смутные силуэты. Память не подвела, услужливо перечислив все, что со мной произошло, включая появление... Касьяна. Вот уж загадка. А если я все-таки не у врагов? Вдруг меня кто-то спас и по-

местил в частную клинику, а я сразу о пытках и тюрьме. Могли же быть у меня в прошлом друзья. Ответ отрицательный – врать себе сложно.

Я крепко задумалась и, еще толком не придя в себя, протянула руку к тумбочке в поисках чего-нибудь, что включает свет. Пальцы что-то нащупали, я щелкнула, вспыхнул неяркий ночник, стоящий рядом с вазой и стаканом воды. Хвойный букет остался на месте, правда, в нем появились крашенные метелки полыни, комната тоже, вроде, прежняя, а вот наручники исчезли. Я поднесла руки к глазам, разглядывая в тусклом свете красные линии на запястьях, натертых металлическими кольцами. На поврежденных участках кожи блестяла мазь. Перевязки на локте и пластырь на боку, там, где чиркнула пуля, на месте. Теплое одеяло, коврики, гардины – все те же. На мне по-прежнему розовая пижама, волосы расчесаны и заплетены в аккуратные косы.

Я осторожно встала с кровати, замерла, держась за изголовье, но головокружение быстро прошло. Перевела взгляд на босые ноги и переступила на коврик. Пол был чертовски холодным. В два шага пересекла комнату и отдернула гардину, ожидая увидеть все, что угодно, но только не густую стену непроходимых зарослей. В парках и скверах, которые часто высаживали вокруг клиник, хоть немного, но прослеживалась деятельность садовника – стриженный газон там, декоративные кусты и деревья, высаженные в определенном порядке. На меня же смотрела буквально тайга.

В метре от дома начинался склон, поросший гигантскими кедрами, дубами и березами. На вид деревьям было не меньше ста лет. Их густо переплетали дикий виноград и лианы, кустарники хаотично смешивались с буреломом. Когда-то по этому месту прошелся буран, повалив великанов, которые сейчас лежали корнями вверх, напоминая покоренных чудовищ. Снег накрыл природный хаос белой пеленой, сгладив острые углы и неровности, но его было еще не так много, чтобы спрятать под собой весь лес.

Снежное убранство мерцало розовыми и золотыми оттенками. Небо едва виднелось сквозь мохнатые еловые ветви, нависшие над домом, но я предположила, что начался рассвет. Интересно, какого дня? Следующего после того, как меня подстрелили, или время сдвинулось на неопределенный срок? В боку покалывало, но рана на плече почти не болела. Чувствовала я себя отдохнувшей, пусть и немного побитой.

Неожиданно вспомнился мой аварийный рюкзак. И японский нож мне тоже не помешал бы. Если уж мечтать по полной, то я хотела огнестрел – всегда чувствовала себя с ним увереннее. Орудовать кулаками – все-таки не моя стихия.

Дверь открылась бесшумно, но я услышала движение воздуха и заставила себя не дергаться. И так уже увидела, что окна заперты, а стекло казалось бронированным – стулом не разобьешь. Я очутилась в глухом лесу в крепости, и сейчас в комнату вошел ее хозяин.

Сегодня Касьян выглядел иначе. Медицинский халат исчез, но официоз остался. Черный костюм с галстуком цвета стали сидел на нем, как влитой. Ботинки блестят, прическа тоже, вроде как, другая. Вместе с ним в комнату вплыл аромат мужского парфюма с восточными нотками. Может, этот тип местом ошибся? Он весь такой наряженный, а я босиком и в розовой пижаме. Этот Касьян был из тех людей, что в мешок наряди, и тот будет на нем сидеть, как влитой. И эти его скулы... Румянами он их мажет, что ли? А может, пластика?

– Еще не оделась? – спросил Касьян, будто мы пять минут назад виделись. – Просыпайся скорее, соня. Дверь в ванную там, – он указал на декоративное панно слева от меня, – гардероб напротив. Сегодня холодно, одевайся теплее.

– Мы куда-то торопимся?

– Расписание, – парень постучал по циферблату. – Надо придерживаться графика. Мы опаздываем на завтрак.

– А что доктор говорит? Мне уже можно вставать?

– Какой доктор? – выражение его лица приняло искреннее удивление.

– Мне показалось, что это вы, – осторожно предположила я, подвигаясь ближе к панно, за которым скрывалась желанная ванная. Касьян небрежно облокотился о косяк, подол пиджака распахнулся, и я уставилась на поясе кобуру – не пустую. Черт. Интересно, как хорошо этот тип подготовлен? И насколько я вышла из строя с двумя ранениями? В голове немного кружилось, но, если без сюрпризов, уложить его я

смогу. А если сюрпризы имеются? Я совершенно ничего не знала о нем, кроме того, что он заговаривался и, возможно, имел проблемы с башкой. Вчера доктор, сегодня – кто? Деловой костюм оставлял слишком много места для догадок. Если он шпион или наемник, да еще ведет собственную игру, я точно проиграю, атаковав его первой. И тогда, возможно, вернутся наручники, и завтрак мне тоже никто предлагать больше не будет. Что ж, для начала попробую придерживаться правил, а потом посмотрим.

– Я тебе все объясню в столовой, – объяснил Касьян. – Врачом я был вчера, сегодня я твой телохранитель. И нет, у меня нет биполярки или раздвоения личности. Просто прими как данность.

Так и хотелось спросить: а я тогда кто? Но, кажется, я знала ответ – лесная нимфа. Чтобы не погружаться в его безумие глубже, я предпочла скрыться в ванной, убранство которой соответствовало пятизвездочному отелю.

– Только не задерживайся, – крикнул мне вслед Касьян. – Я тебя здесь подожду. Кстати, ты ешь свинину? У приготовил омлет с ветчиной.

Я была готова проглотить целого быка, но решила не упрощать ему жизнь.

– А если скажу, что вегетарианка, пойдешь варишь мне кашу? – подначила я его, немного растерявшись перед богатым ассортиментом разных бутылочек и коробок. Никаких брендов и фирменных упаковок. Разобраться что где будет

непросто.

Ответ последовал не сразу. Кажется, мне удалось его озадачить.

– Нет, каши не будет. Ты будешь есть свинину.

Я намотала на ручку двери полотенце особым способом – открыть можно, но сложно, и залезла под душ, включив воду на полную мощность.

Касьян, или как там его, начал ломиться в дверь буквально через пять минут.

– Все вылезай, мы опаздываем.

Сейчас он пока лишь громко стучал, но я не сомневалась, что у него не заржавеет выломать дверь или вскрыть ее другим способом. Что ж, расслабляться нельзя. Я не на курорте и даже не в больнице. Просто тюрьма попалась комфортная.

Пока я вытиралась, он справился с моим импровизированным замком, и, открыв дверь, просунул внутрь руку с одеждой.

– Я сегодня сам тебе выбрал, ты наверняка возиться будешь. Одевайся, а то у меня терпение закончится.

Когда тюремщик намекал, что у него заканчивается терпение, мешкать, действительно не стоило. Решив не возиться с волосами и макияжем, я схватила тряпки и, особо не думая, облачилась в то, что дали. Все же лучше, чем сидеть где бы там ни было завернутой в полотенце. Так и вышла – с мокрыми волосами, в лосинах и в обтягивающем вязаном платье до колена и с длинными рукавами. Все – синего цвета.

– Хорошо я все подобрал, – похвалил сам себя Касьян, окинув меня придирчивым взглядом. – Сапоги или кеды?

Он кивнул на две пары обуви, ожидающие меня на коврик у кровати. Узкие кожаные сапоги на шпильках никак не входили в мою концепцию скорого побега, поэтому я, не раздумывая, выбрала кеды. Бегать в них по лесу будет холодно, как, впрочем, и без нижнего белья, потому что ничего такого мне не предложили, а лосины особой плотностью не отличались. Но я не привередливая, ко всякому привыкшая. Стринги, которые я ненавидела всей душой, и бюстгальтер из ниточек как-нибудь переживу. Пусть пялиться на мою грудь, коли хочет. Чем дольше будет отвлекаться, тем больше у меня шансов на побег.

Глава 8

По дороге в столовую я тщательно запоминала дорогу. Подтвердилась моя догадка – это частный дом, а не больница. Причем, не очень большой. Один этаж, коридор, соединяющий комнат пять, просторный вестибюль с огромными окнами, из которых открывался все тот же вид на тайгу и бурелом, и большая веранда, где был накрыт стол и горела переносная жаровня. Впрочем, теплые полы тоже работали на полную мощность, я даже сквозь подошву кед ощутила их жар. Хозяин дома был помешан на тепле, однако жарко не было. Большие окна в пол снаружи были засыпаны снегом едва ли не до середины, что уравнивало температуру. Наверное, в последнюю метель ветер дул с этой стороны, потому и намел такие сугробы.

Куча половиков и ковров на полу, круглый стол у окна, два стула и уютная тахта у самого большого окна с пледом и раскрытой книгой. В глаза бросилась домашняя скатерть в красный горошек, которая контрастировала с предметами роскоши – дорогой сигнализацией, стильной люстрой, люксовым паркетом. Я заставила себя успокоиться и не забегать вперед с тревожными мыслями. Сейчас мне все объяснят. Когда люди со мной обращались ласково, потом выяснялось, что им обязательно что-то нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.